

НАШ ДОМ ТАМ, ГДЕ НАШЕ СЕРДЦЕ...

ЛУННОЕ ДИТЯ

КАРЕН МАККВЕСЧИН

Freedom. Романы о больших
сердцах. Проза Карен Макквесчин

Карен Макквесчин

Лунное дитя

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макквесчин К.

Лунное дитя / К. Макквесчин — «Эксмо», 2020 — (Freedom.
Романы о больших сердцах. Проза Карен Макквесчин)

ISBN 978-5-04-120553-9

Холодным январским вечером Шерон вышла на улицу, чтобы полюбоваться лунным затмением. В окне напротив она увидела девочку, которая мыла посуду в поздний час. Это показалось ей странным, ведь у соседей был только сын... «Я совсем еще маленькая. Три года назад я оказалась у Флемингов. Здесь неплохо. Плотник оборудовал для меня небольшую спальню в подвале. Мэм сказала: «В этой комнате будет храниться кое-что ценное». Приятно знать, что меня считают значимой. Я не знаю, как я попала к Флемингам, но теперь принадлежу им. И кажется, так будет всегда».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-120553-9

© Макквесчин К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	39
Глава 11	44
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Карен Макквесчин

Лунное дитя

*Джессике Фогельман,
непревзойденному редактору*

Karen McQuestion

The Moonlight Child

Copyright © Karen McQuestion, 2020.

This edition published by arrangement with Synopsis Literary Agency

© Лидман М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

У Морган сегодня день рождения. Прошло уже три года, но Венди казалось, что ее дочери все еще восемнадцать. Именно столько ей было, когда они поругались и Морган в гневе вылетела из дома с рюкзаком на плечах. На прощание она крикнула матери:

– Как же ты меня достала! Иди к черту!

Эдвин считал, что Морган вернется, но у Венди в тот день было плохое предчувствие. Они с дочерью в последнее время часто ругались. Основной причиной скандалов был ее парень, Кит. Он – и ее новые друзья – был намного старше Морган. Их дочь и без того была трудным подростком, но все стало только хуже с тех пор, как она связалась с этой компанией наркоманов.

Она познакомилась с ними, когда устроилась на работу в какой-то зачуханный бар в деловом квартале. Восемнадцатилетняя девушка, которая работала по ночам, просто не могла не попасть в неприятности.

Венди и Эдвин были совсем не в восторге, когда дочь рассказала им, что устроилась работать помощником бармена. Венди вообще сомневалась, что это законно.

– Ты еще несовершеннолетняя ¹, – заметила она. – Тебе не то чтобы работать, тебе даже заходить туда нельзя.

– Ты же сказала, что если я не пойду в колледж, мне нужно будет самой обеспечивать себя, – огрызнулась Морган. – С чаевыми моя зарплата в три раза больше, чем в магазине, а тебя еще что-то не устраивает?

Она умела использовать слова матери против нее самой, и это выводило из себя. У Венди был миролюбивый характер, но Морган была решительно настроена на скандал.

Эдвин вмешиваться отказался:

– Пусть она переживет этот этап. Ей это надоест. Она поймет, что эти люди ничего не добьются в жизни. Мы воспитали ее правильно. Она вернется к нам.

– А если ей не надоест? – спросила Венди. – Если она к нам не вернется?

– Венди, выбор у нас невелик. Она взрослый человек. Чем больше ты будешь на нее давить, тем больше она будет сопротивляться. А если мы постараемся вести себя спокойно и время от времени будем перекидываться с ней парой слов, она вернется к нам, когда будет готова. Поверь мне, это временно.

И Венди уступила – хоть и всей душой чувствовала, что не нужно этого делать. Из них двоих именно Эдвин был более уравновешен и непредвзят. Кроме того, он преподавал в колледже и общался с ровесниками Морган каждый день. Можно сказать, он был экспертом по восемнадцатилетним. В глубине души Венди знала, что он ошибается, но Эдвин говорил так уверенно, что она начала сомневаться в себе. Как оказалось позже – напрасно. Было большой ошибкой не доверять материнскому инстинкту.

У Венди не было доказательств, но она интуитивно чувствовала, что ее дочь находится под контролем страшных монстров – алкоголя и наркотиков. Характер Морган изменился. Она стала угрюмой и похудела. Худобу, впрочем, она объясняла физическими нагрузками. В подтверждение своих слов она напрягала бицепсы и говорила:

– Да это я ящички с пивом из подвала таскала.

Как будто это повод для гордости.

Как-то раз за Морган заехала ее новая лучшая подруга, женщина по имени Стар. Венди никак не могла избавиться от мысли, что все в ней – ее жидкие волосы, налитые кровью глаза и

¹ В Америке в зависимости от штата человек может считаться совершеннолетним только по достижении двадцати одного года.

дерганные движения – напоминает типичных наркоманок. Разумеется, она хотела занять денег: Венди поняла это, слушая, как две молодые женщины шепотом переговариваются в прихожей.

А потом Морган просто ушла.

Сначала они думали, что она решила переночевать у подруги. Когда она не пришла на третий день, Венди написала заявление в полицию. В участке к ней отнеслись с сочувствием, но не слишком-то помогли. Технически нельзя было сказать, что Морган пропала без вести. Ее последние слова ясно говорили о том, что она ушла по собственной воле. Но полицейские были очень любезны: они допросили всех подозрительных людей, которые часто появлялись на работе Морган, и попытались найти информацию о ее парне, Ките.

Но о нем никто ничего толком не знал. И тем более не мог рассказать, где он и как с ним связаться. К своему стыду, Венди внезапно поняла, что не знает даже его фамилии. Она просила дочь сказать его полное имя, но Морган восприняла слова матери в штыки и потребовала прекратить этот допрос. Больше они к этой теме не возвращались.

Теперь Венди знала, что спускать это на тормозах было большой ошибкой.

Расследование быстро зашло в тупик, но Венди была благодарна полицейским за то, что они сделали хоть что-то.

Ради своего душевного спокойствия первый год Венди старалась не сидеть без дела. Она работала бухгалтером в юридической фирме, а после работы расклеивала плакаты, делала телефонные звонки и создала сайт в Интернете. Она продолжала звонить Морган на сотовый, пока автоответчик не перестал работать. В телефонной компании ей сообщили, что договор был аннулирован, но другой информации дать не смогли. Она по-прежнему каждое утро проверяла комментарии на сайте, но в них никогда не было ничего конкретного.

Заголовок сайта гласил:

«Вы видели нашу дочь, Морган Дюран?»

Ниже она поместила коллаж из фотографий Морган и описание ее внешности:

«Рост 167 сантиметров, худощавое телосложение. Карие глаза, темно-каштановые волосы, смуглая кожа».

Венди это описание казалось слишком безликим, но вместо того, чтобы добавлять какие-то подробности, она просто написала: «Морган, если ты читаешь это, возвращайся домой. Мы так по тебе скучаем».

Столько воспоминаний... С самых первых дней улыбка ее дочери могла озарить весь мир, а ее заразительный смех никого не мог оставить равнодушным. Ее старший брат, Дилан, обожал ее – и все еще обожает.

Время шло, и теперь они с Эдвином говорили о Морган только перед сном: горе и тревоги ей было легче выплескивать в темноте. Хоть Эдвин и отрицал это, но у Венди сложилось впечатление, что он уже не надеется увидеть дочь живой. Он никогда не говорил об этом вслух. Эти слова разбили бы им сердце. Но было предельно ясно, к чему он клонит.

– Я опустошен точно так же, как и ты, но считаю, что мы должны быть готовы к худшему.

Венди никогда не будет готова к худшему. Но еще страшнее было неведение, неопределенность. Оно съедало ее изнутри. Иногда, когда она была на работе, то могла несколько часов не думать о Морган, но еще ни одного дня не прошло без мучительного осознания того, что ее дочь ушла.

Дилан предложил всем троим отправить пробирки со слюной в 23andMe и Ancestry.com², чтобы их ДНК была в базе. Просто на всякий случай. Она сделала это, но ее «на всякий

² 23andMe – частная биотехнологическая компания, одной из сфер деятельности которой является сравнение генетических данных людей. Ancestry.com – крупнейшая некоммерческая генеалогическая компания в мире. Предоставляет доступ к более чем 11 миллиардам записей с генеалогическими данными (включая генеалогические деревья).

случай» включало сценарий, в котором Морган впала в кому и оказалась в какой-то больнице, их ДНК совпали, они примчались к ней в палату, голос матери вывел ее из забытья, и в итоге она полностью поправилась.

Когда прошло два года, друзья и родственники перестали задавать им вопросы, зная, что если бы были какие-то новости, от них не стали бы ничего скрывать. Время от времени в Интернете появлялись статьи или видео о людях, которые несколько лет считались пропавшими без вести, а потом воссоединились со своей семьей. Ни одна из этих историй не была доброй. Их герои никогда не были жертвами амнезии. Никто из них не терял связь с семьей по недоразумению. Обычно с ними случались ужасные вещи, которых Венди не пожелала бы и злейшему врагу. Но по какой-то причине люди чувствовали необходимость переслать ей эти новости, как бы намекая: «Видишь, все не безнадежно. Может быть, она еще найдется».

Сдаваться было нельзя, поэтому Венди продолжала поиски в Интернете, связывалась с полицейскими, читала комментарии на сайте. Как будто ее усилия могли привести к счастливой развязке.

Сегодня, в день рождения Морган, Венди осталась дома. Нужно, чтобы кто-то его отпраздновал, вспомнил, что когда-то в этот день на свет появилась чудесная девочка по имени Морган весом два килограмма восемьсот грамм. Когда Венди увидела ее в первый раз, ей показалось, что на свете нет ребенка милее. Она вспомнила, как в детстве Морган любила наряжаться принцессой, как по пятам ходила по дому за своим старшим братом и как гордилась тем, что на протяжении всей средней школы ни разу не пропускала учебу по болезни. Неприятности начались в старшей школе: неповиновение, побег из дома... но даже тогда Венди видела, что под всем этим скрывается ее красивая, умная, забавная дочь. Это временно, говорила она себе. И молилась, чтобы сложный период быстрее закончился. Несмотря на все горе, что им причинила Морган, Венди не променяла бы ее на все сокровища мира. И так продолжалось до тех пор, пока мир не забрал ее у них – таким невообразимым способом.

В тот день Венди еще раз проверила сайт, пошла в кладовку и принесла оттуда упаковку кексов «Hostess».

Морган просто обожала их. Венди купила их специально к этому дню.

Венди положила один кекс на середину маленькой тарелки и воткнула в него свечу. Из ящика, забитого кухонной утварью, она достала спички. Чиркнув дрожащей рукой о темный бок коробки, она зажгла свечку, задула спичку и бросила ее в раковину.

Поставив кекс на стол, она села перед ним и запела срывающимся голосом:

– С днем рождения тебя. С днем рождения тебя. С днем рождения, Морган, с днем рождения тебя.

Венди задула свечу и загадала желание.

Глава 2

До того вечера Шерон особо о них не задумывалась.

Они не были знакомы, несмотря на то, что их дворы разделяла только линия забора. По надписи на их почтовом ящике она знала, что их фамилия Флеминг. Проезжая время от времени по их улице, она мельком видела их: стройную рыжеволосую женщину с короткой дорогой стрижкой; ее мужа, угрюмого бизнесмена; их сына, хмурого подростка с избыточным весом, и маленькую тьявкую собаку. Из Интернета она узнала, что родителей звали Сюзетта и Мэттью. Имя сына она, как ни старалась, найти не смогла. Может, оно и к лучшему.

Иногда она видела, как мальчик выгуливает собаку. Пес бежал впереди, натягивая поводок, а мальчик, одетый в мешковатую толстовку, сутулился так, словно нес какую-то очень тяжелую ношу. Мистера и миссис Флеминг она замечала куда реже. Мэттью иногда делал что-то во дворе, но в основном она видела родителей, когда они уезжали или возвращались домой. Сюзетта на своей серебристой «Ауди» сдавала задом по подъездной дорожке, а ее муж заезжал в прилегающий к дому гараж на черной «Тойоте» бизнес-класса и доставал из машины портфель.

Совершенно обычная семья.

Их задний двор был скрыт от посторонних глаз высоким деревянным забором. У Шерон не было с ними ничего общего – она была одинокой пенсионеркой, но по натуре очень любопытной. Ее контакты с людьми в последнее время ограничивались обменом дружескими приветствиями с соседями, обедами с друзьями, походами в церковь по воскресеньям и телефонными разговорами с ее дочерью, Эми, которая сейчас жила в Бостоне.

Тем вечером Шерон собиралась смотреть на лунное затмение. Все только и говорили, что о «кровавой луне», об этом упоминала даже кассирша в продуктовом магазине. Она сказала, что ночь будет безоблачной, а значит, откроется прекрасный вид.

В одиннадцать вечера Шерон натянула сапоги, перчатки, пуховик и собралась во двор. Она хотела максимально насладиться зрелищем. Одеваться, чтобы просто выйти на заднюю террасу – пусть даже на несколько минут, – казалось немного глупым, но ничего не поделаешь. В январе в Висконсине бывало очень холодно, а сегодня температура опустилась ниже минус десяти. Лучше хорошенько закутаться, чем что-нибудь себе отморозить.

Шерон вышла на террасу, прикрыв за собой стеклянную дверь, чтобы кот не выскочил на улицу. Звезды ярко сияли на ночном небе, а большая луна висела на небесном куполе как созревший персик. На нее уже упала тень затмения. Она была светлого оранжево-красного оттенка, а не кровавой, но это неважно. Оно действительно того стоило. Затаив дыхание, Шерон любовалась этой удивительной красотой.

Стянув перчатки, Шерон достала из кармана телефон. Направив камеру так, чтобы луна была в центре кадра, она приблизила изображение и сделала снимок. Вряд ли то, что получилось, сможет передать всю красоту происходящего. Некоторые вещи стоит увидеть лично, а не на экране телефона.

Опустив телефон, Шерон обратила внимание, что в одном из окон соседнего дома горит свет. Она прищурилась, пытаясь разглядеть, что происходит. Девочка вручную мыла посуду. Она была совсем маленькой, лет пяти или шести – с такого расстояния трудно сказать наверняка. Но это совершенно точно был не взрослый человек и даже не подросток. Судя по пропорциям, девочка, скорее всего, стояла на табуретке. Шерон точно знала, что у Флемингов только один ребенок, мальчик-подросток. Может ли быть, что у них есть еще один ребенок, о котором она не знает?

Вряд ли.

Может быть, она приехала в гости?

Возможно, но зачем такой маленькой девочке мыть посуду в одиннадцать вечера?

Шерон сделала несколько фотографий девочки, стоя на террасе, а затем спустилась вниз и прошла по заднему двору. С каждым ее шагом легкие хлопья рыхлого снега вздымались вверх, а холодный зимний воздух чувствовался с каждым вдохом. Рядом с забором возвышалась огороженная шпалами грядка. Шерон встала на шпалы и осторожно поднялась на цыпочки, поднимая телефон так, чтобы было видно окно. Подождав, пока камера сфокусируется, она сделала фото.

В это время в окне появился еще один человек – хозяйка дома. Сюжетта с угрожающим видом нависла над девочкой. Ее губы быстро зашевелились, и девочка отпрянула от нее. Увидев, как миссис Флеминг хватается ребенка за руку, Шерон ахнула. Хозяйка дома с силой потянула девочку, указывая на что-то, чего Шерон не могла видеть. Мгновение спустя обе исчезли из виду.

«Что все это значит? Это так странно».

Шерон вернулась в дом, быстро сняла верхнюю одежду и устроилась на диване, чтобы изучить сделанные ею фотографии. Как она и ожидала, на фотографиях затмение было и вполнину не таким впечатляющим, как вживую. На снимках, сделанных с террасы, девочка напоминала скорее кляксу в форме человека. Фото, которое она сделала у забора, было лучше, но все равно далеким от идеала. Шерон подумала, что, вероятно, снимок получился нечетким из-за ее неаккуратности. Несмотря на ее стремление идти в ногу с технологиями, многого она не могла понять. Эми столько раз повторяла: «Это не так уж и сложно, мам. Ты слишком заморачиваешься». Уж и не сосчитать.

Ей легко говорить. Она родилась в век технологий и развивалась вместе с ними. У Шерон такого преимущества не было. Она до сих пор помнила, как появились микроволновые печи. Тогда все еще удивлялись, как быстро, оказывается, можно испечь картофель. Пусть это был и не совсем *тот* печеный картофель, ведь его приготовили в микроволновке, но дело не в этом. Сама возможность приготовить его так быстро была сродни какому-то чуду. Примерно в то же время была в новинку идея записывать телешоу на кассеты, чтобы смотреть их в удобное время. А сейчас так никто уже не делает. С появлением стриминговых сервисов эта концепция устарела, так же как и домашние телефоны.

Когда-нибудь ей придется научиться пользоваться этими сервисами. Звучит это чертовски удобно. Выбирать фильмы и сериалы – и тут же смотреть их. Как будто у тебя дома стоит музыкальный автомат, но вместо музыки можно выбирать то, что ты хочешь посмотреть.

Она могла бы перечислить сотню подобных вещей – чудесных технологий и устройств, которых не существовало, когда она была молодой, но настолько привычных сейчас, что никто не обращает на них особого внимания.

Как же быстро меняется жизнь. Иногда за ней бывало трудно угнаться.

Позже, уже лежа в постели, она снова вспомнила о маленькой девочке. Должна же быть какая-то веская или, по крайней мере, *благовидная* причина, по которой ребенок в одиннадцать вечера мыл посуду на кухне Флемингов. Точно должна. Хотя, наверное, не стоит ломать над этим голову. Шерон просто смотрит слишком много детективов и читает слишком много триллеров.

Но все же она никак не могла выкинуть это из головы.

Сделав вдох, она пообещала себе, что если сможет придумать увиденному хоть одно разумное объяснение, то позволит себе забыть об этом. Она продумывала вариант за вариантом и наконец остановилась на самом вероятном из всех.

«Возможно, – подумала Шерон, – это просто их родственница из другого города. Может быть – это только предположение – девочка захотела пить, а потом решила поиграть в воде. И миссис Флеминг казалась раздраженной, потому что ругала ребенка за то, что он возится возле раковины, когда пора ложиться спать».

Наверное, так оно и было. Наверняка она просто играла.
Почувствовав облегчение, Шерон провалилась в сон.

Глава 3

Шерон хотела рассказать Эми о маленькой девочке во время их следующего телефонного разговора. Конечно, лучше всего было бы отправить фотографии, чтобы ей было от чего отталкиваться, но Шерон знала, что это чревато. Она не умела пересылать картинки и до ужаса боялась просить Эми объяснить, как это делается. Когда нужно было объяснять что-то *по второму кругу*, Эми бывала очень нетерпелива, и из-за этого Шерон чувствовала себя полной идиоткой.

«Это не так уж и трудно», – раз за разом повторяла Эми, и Шерон не могла с ней не согласиться.

Это и правда не так уж трудно. Но почему она никак не может это запомнить?

Она была почти уверена, что чтобы отправить фотографию, нужно нажать на маленькую V с кружками на каждом конце. Эта иконка почему-то вызывала у нее ассоциации со «Стартреком». Но она боялась нажимать на нее, не узнав наверняка.

– Почему нельзя просто написать слово «Отправить»? – спросила Шерон, когда они обсуждали это в первый раз. – Так было бы намного проще.

– Нет, проще так. И *лучше*, – твердо сказала Эми, продолжая излагать свои доводы. – Все же сразу понятно. Ты ведь точно так же сразу понимаешь значения символов на кнопках всех твоих девайсов.

У Шерон не хватило духу признаться, что очень долго она могла найти кнопку включения, только вспомнив, что ее иконка похожа на крошечную грудь.

Эми была самой настоящей карьеристкой. Она работала адвокатом в области корпоративного права, и ее новая должность на Восточном побережье была как-то связана с контрактами в области морских перевозок. Шерон это было неинтересно, но Эми в искусстве переговоров и изучении информации, напечатанной мелким шрифтом, добилась значительных успехов. Судя по ее весьма не маленькой зарплате, это у нее очень хорошо получалось. Шерон гордилась дочерью, хоть и не всегда ее понимала.

До выхода на пенсию Шерон думала, что в старости она будет больше времени проводить с дочерью. Но когда Эми переехала, Шерон пересмотрела свою мечту и решила, что теперь у нее будет возможность учиться и заниматься волонтерством. В теории это была хорошая мысль, но вскоре после того, как она покинула сферу труда, она открыла для себя радость свободного времени и ни разу об этом не пожалела. Какая сладкая свобода – делать то, что твоей душе угодно, и ни перед кем не отчитываться. Шерон нравился ее образ жизни, даже несмотря на то что временами ей бывало одиноко.

Она не хотела портить отношения с соседями, но когда проснулась, первым делом вспомнила о маленькой девочке, которую накануне увидела в окне соседнего дома. Будет совсем не лишним выслушать точку зрения Эми по этому вопросу.

Но тем же утром, когда у Шерон неожиданно зазвонил телефон, она и думать позабыла о таинственной девочке. Она завтракала и отложила ложку, чтобы ответить на звонок дочери.

Когда они обменялись приветствиями, Эми сразу перешла к делу:

– Мама, мне очень неприятно говорить с тобой об этом, но у меня есть к тебе просьба.

Шерон сделала вдох. Эми никогда ни о чем ее не просила. Даже когда она была маленькой, она отказывалась от помощи матери, стараясь разобраться со всем самостоятельно. Если она обратилась к ней, значит, она не смогла найти другого выхода.

– Конечно, милая. Что тебе нужно?

Эми с облегчением сказала:

– Я знала, что могу на тебя рассчитывать.

– Конечно. Для тебя – все что угодно.

– Ну, это не совсем для меня, – сказала Эми. – Это для Никиты€.

«*Аля Икиты?*»

У Шерон появилось дурное предчувствие.

Никита€ Рамос была ребенком из приемной семьи. Она представляла ее интересы на волонтерской основе, как специальный адвокат, назначенный судом ³. Эми не слишком много рассказывала о Никите. Шерон знала только, что она с двенадцати лет жила в приемной семье и что ей пришлось очень несладко.

Шерон видела Никиту всего один раз, еще до того, как Эми переехала в Бостон. Тогда она случайно встретила с ними в торговом центре. Эми представила их, и Шерон заметила, как Никита с ног до головы окинула ее долгим оценивающим взглядом. Разумеется, Шерон ответила ей тем же. Никита произвела на нее впечатление человека, который не даст себя в обиду. Это было заметно как по языку ее тела, так и по внешнему виду. Ее длинные волосы были почти полностью, за исключением одной фиолетовой пряди, покрашены в цвет воронова крыла. Одета она была в черную футболку с огромным черепом, из глазницы которого выползала змея. Как будто она хотела показать, что с ней лучше не иметь дела. Она казалась взвинченной, словно ей давно хотелось выкурить сигарету или еще что похуже. Никита поздоровалась и сказала, что рада познакомиться, но ни разу не посмотрела Шерон в глаза. Это насторожило женщину.

– А что с Никитой? – спросила Шерон.

– Ей нужно где-то пожить, и я подумала, что ты живешь совсем одна и у тебя на втором этаже есть свободная спальня...

У Эми была привычка говорить что-то и молчать в ожидании реакции собеседника. И дело было не в немногословности: Шерон знала, что ее дочь при необходимости демонстрирует завидную напористость. Эта пауза была стратегическим приемом и давала Шерон возможность понять ход мыслей Эми.

– То есть ты хочешь, чтобы она жила здесь? – спросила Шерон.

У нее было много возражений.

Она не поднималась на второй этаж уже целую вечность и понятия не имела, в каком состоянии находится комната. И к тому же – жить вместе с подростком? Она с трудом представляла, как растить собственную дочь. Благо с Эми было так просто. По меркам большинства людей она была образцовым ребенком.

И вообще, чем сейчас питаются подростки?

Да и кто знает, какой эмоциональный багаж лежит на плечах человека, который рос в приемной семье?

А что, если Никита что-то сделает с домом? Будет вести себя жестоко? А вдруг она причинит вред коту? При этой мысли Шерон содрогнулась.

У нее было так много причин отказать, но Шерон знала, что Эми не попросила бы ее о помощи, если бы у нее не было веской причины. К тому же она была уверена, что Эми не стала бы намеренно подвергать мать опасности.

– Совсем ненадолго, – сказала Эми. – Она позвонила и сказала, что не может больше там оставаться. Судя по всему, она была в отчаянии и ярости и хотела уйти в ту же минуту, но я уговорила ее остаться, пока что-нибудь не придумаю. Честно говоря, я понятия не имею, что происходит. Она мне не говорит, но я знаю, что ей нужно как можно скорее отсюда уехать.

– погоди-погоди, – сказала Шерон. – Я думала, она уже слишком взрослая, чтобы жить в приемной семье.

³ Назначенные судом специальные адвокаты (CASA) – определенные специальной ассоциацией волонтеры, которые поддерживают подвергшихся насилию или безнадзорных детей.

Она была в этом уверена, потому что помнила, как Эми помогала Никите найти жилье, когда она окончила старшую школу. К тому моменту Эми уже переехала в Бостон, но примчалась в Висконсин, чтобы все устроить. У Эми было доброе сердце.

– Да, это так. С тех пор она несколько раз переезжала. Мам, я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что раз она часто переезжает, с ней будут проблемы. – К стыду своему, именно об этом Шерон и думала. – Но это не так. Никита прошла через ад. Все, что ей нужно, – это комната и поддержка. Чтобы кто-то поддержал ее и показал ее значимость. – Голос Эми был твердым. – Я могла бы позвонить своим друзьям, но сразу набрала тебе. Думаю, вы поладите.

– Долго она будет со мной жить?

– Спасибо, мама, спасибо! Ты самая лучшая в мире. Я знала, что ты меня выручишь, – Эми торопливо и очень бурно благодарила ее. Она говорила так быстро, что вопрос попросту затерялся в потоке благодарностей. – Я напишу тебе адрес и номер Никиты. Как скоро ты сможешь ее забрать?

– В любое время, – сказала Шерон, глядя на наполовину съеденную тарелку овсянки. Она доест ее за минуту. Что же до остальных ее планов – посуда может подождать, как и стопка полотенец, которые нужно разложить. В этом-то и заключалось преимущество жизни в уединении. Ее время принадлежало ей и только ей. По крайней мере, так было до недавнего момента.

– Я позвоню ей и скажу, что ты едешь. Спасибо, мама. Ты классная! – Шерон улыбнулась. В этот момент казалось, что ее дочери четырнадцать лет, а не сорок.

Прощавшись, Шерон повесила трубку.

Она искренне надеялась, что не совершает большую ошибку.

Глава 4

Навигатор привел Шерон в бедный квартал. Насколько ей было известно, этот район отличался высоким уровнем преступности. Дома здесь стояли разные: некоторые были в хорошем состоянии, о чем свидетельствовали опрятные дворики и аккуратно расчищенные подъездные дорожки, в то время как другие выглядели запущенными, краска на них облупилась, а во дворах виднелись груды мусора. Шерон покачала головой. Как можно жить с холодильником на крыльце и с машиной на шлакоблоках на подъездной дорожке? Как по-разному живут люди.

Доехав до нужного адреса, она заглушила мотор, вышла из машины и прошла по заснеженной дорожке к входной двери. Она позвонила в дверь. Из дома слышались голоса. Сначала что-то сердито крикнула женщина, потом мужчина прокричал что-то ей в ответ. Шерон стяхнула с ботинок снег. Наконец примерно через минуту дверь распахнулась.

В узком проеме стояла изможденная женщина.

– Да?

– Я приехала за Никитой?

Женщина обратила на Шерон непонимающий взгляд.

«Черт, не нужно было говорить это с вопросительной интонацией».

Откашлявшись, она попробовала еще раз, на этот раз более решительно.

– Я приехала за Никитой, – сказала Шерон.

Ответа не последовало.

Может, она ошиблась адресом?

– Она здесь? – спросила она.

– Здесь, – с отвращением сказала женщина. Жестом она разрешила Шерон войти, с сердитым видом повернулась и ушла в коридор.

Шерон вошла в приоткрытую дверь. Слева от двери была лестница, ведущая на второй этаж. Справа, в гостиной, на потертом диване сидел лысый мужчина лет тридцати с планшетом в руках. Он был в наушниках и присутствия Шерон, казалось, не заметил.

– Никита? – позвала Шерон. – Это Шерон Лемке, мама Эми. Я приехала, чтобы тебя забрать!

– Минутку! – крикнули сверху, и вскоре Шерон увидела, как Никита тащит огромный чемодан. Он был тяжелым, судя по тому, как глухо стучал по ступеням при каждом ее шаге. Никита была одета в рваные джинсы и объемный свитшот, на одном ее плече висел рюкзак. Девушка выглядела совсем не так, как тогда в торговом центре. Она казалась более уставшей, под глазами у нее залегли темные круги. Фиолетовой пряди в волосах видно не было.

Женщина быстро подошла к ним, едва не столкнувшись с Шерон. У нее был такой сердитый вид, что на секунду Шерон показалось, будто женщина ее ударит. Но вместо этого она обратила свою ярость на Никиту.

– Вот, значит, как? Съезжаешь, даже не предупредив? – Она скрестила руки на груди.

Никита ничего не ответила. Она просто посмотрела на Шерон.

– Поехали, – сказала она, кивнув в сторону двери.

– А как же твоя работа? Если переедешь, то не сможешь продолжать там работать. Как ты будешь добираться туда без машины? Ты ведь об этом даже не подумала.

Никита пожала плечами.

– Не очень-то хорошая это была работа. – Она потащила чемодан в сторону двери. – Найду другую.

Шерон придержала дверь, и Никита перенесла чемодан через порог.

– И ты уйдешь вот так? – заговорила женщина им вслед. – Мы дали тебе комнату, относились к тебе как к члену семьи. Без твоей арендной платы в этом месяце мне не хватит денег. И что теперь прикажешь делать? Тебе ведь плевать, да? Какая же ты все-таки дрянь.

– Секундочку! – сказала Шерон, но никто не обратил на нее внимания. Никита даже не оглянулась.

– Я не могу остаться.

Когда они подошли к машине, женщина обрушила на них целый поток ругательств. Не говоря ни слова, Шерон открыла багажник, Никита положила в него чемодан. Так же молча они сели в машину. Заводя мотор, Шерон оглянулась на дом и заметила, что мужчина смотрит на них из окна.

Несколько кварталов спустя Шерон нарушила молчание:

– Да уж, общаться с ней – одно удовольствие.

– Ага. – Никита со вздохом заправила волосы за ухо.

– Хочешь есть? Можем заехать куда-нибудь перекусить.

Никита покачала головой:

– Нет, спасибо.

Когда они подъехали ближе к дому, Шерон снова заговорила:

– Мы почти на месте. Я живу в соседнем квартале.

– Хороший район. – Никита по-детски приложила руку к стеклу и посмотрела в окно.

Дома здесь были обманчиво скромными по размерам, учитывая привилегированную жизнь здешних жителей. Они ездили в отпуск на Гавайи. Нанимали репетиторов для своих детей. Уезжали на северные озера на лето. Шерон в финансовом плане сильно выбивалась из этой компании. Не то чтобы это как-то ее смущало.

– Не слишком-то обольщайся, – сказала Шерон. – Мой дом один из самых маленьких в округе. Самый маленький, если точнее. И сильно меньше остальных.

Риелтор сказал ей, что изначально этот дом был гостевым коттеджем соседнего дома. Тогда это ее позабавило.

Пытаясь не терять оптимизма, Шерон сказала:

– Есть поговорка: «Худший дом в квартале – лучшая инвестиция!»

На это Никита ответила:

– Да, но неужели нужно было покупать худший дом *во всем штате*?

Услышав это, Шерон расхохоталась.

Даже сейчас эти воспоминания вызывали у нее улыбку. Дом оказался просто катастрофой, но он хорошо служил им, и в ближайшее время Шерон не планировала переезжать. За эти годы в дом было вложено немало сил и средств. Она сделала ремонт в обеих ваннных комнатах и кухне, заменила светильники, покрасила все стены и заменила полы в каждой комнате. Глядя на старые фотографии, сложно было поверить, что это тот же самый дом.

Шерон заехала на подъездную дорожку и остановилась возле гаража, ожидая, пока автоматические ворота поднимутся вверх.

– Никита, я хочу...

– Ники.

– Что?

– Зовите меня Ники. Никитой меня называет только Эми.

– Хорошо.

Эту просьбу легко было выполнить. Конечно, она может называть ее Ники, если так ей больше нравится, но было бы очень мило, если бы Эми рассказала об этом заранее.

Она заехала в гараж и заглушила мотор.

– Так вот, Ники, я хочу, чтобы ты чувствовала себя как дома. Я долго жила одна, так что если тебе что-то нужно, проси. Я не привыкла, что со мной живет кто-то еще.

– Я надолго не задержусь, если вы об этом.

– Нет, я не об этом. – Но Ники уже открывала дверь машины, так что Шерон последовала ее примеру и потянула ручку багажника. – Вообще-то, я имела в виду прямо противоположное. Ники вытащила чемодан.

– Хорошо.

Первой в дом вошла Шерон. Эта девушка приводила ее в замешательство, ей было трудно понять, что она за человек. С чего Эми вообще решила, что они уживутся?

Пока они шли по дому, Шерон нервно говорила:

– В коридоре есть крючки для верхней одежды. Сюда же, на коврик, можно поставить ботинки, если ты промочишь ноги. – Она сняла свою куртку и повесила ее на крючок, но Ники просто кивнула, даже не попытавшись разуться или снять свитшот. – Здесь, как видишь, кухня, – продолжила Шерон. – Вон там прачечная. Можешь свободно пользоваться стиральной машинкой и сушилкой. Дай знать, если тебе понадобится помощь. Они довольно современные и высокотехнологичные. Я очень долго с ними разбиралась, – призналась она. – Целых три раза пришлось смотреть видеоурок на YouTube, прежде чем я поняла, как они работают.

Ники шла за ней по дому, волоча за собой чемодан и свесив рюкзак на локте. Она осматривалась, словно запоминая, где находятся выходы, и, казалось, была готова в любую минуту выбежать на улицу.

Пройдя по гостиной, Шерон указала на рыжего кота, который лежал, вытянувшись на спинке дивана:

– Это Серж. Он очень ленивый, скорее всего он не будет тебя беспокоить.

Ники наклонилась, чтобы погладить Сержа, и кот благодарно подставил ей голову.

– Он лапочка, – сказала Ники, почесывая ему подбородок. – Его зовут Серж?

– Сокращение от «Сержант Клубочкин».

– Идеально, – Ники одобрительно кивнула.

Шерон показала Ники, где находится входная дверь, и водила ее по дому, пока они не дошли до ее спальни и прилегающей к ней ванной. Женщина прошла по комнате и открыла дверь.

У Шерон была хорошо отрепетированная речь, своего рода извинение перед гостями за размер комнат.

– Она не очень большая, но ведь кроме нас тут никто... – по привычке начала оправдываться она.

Ники впервые поставила чемодан и обвела комнату зачарованным взглядом.

– В жизни не видела ванной красивее. – Она наклонилась и посмотрела на пол, выложенный шестигранной плиткой.

– Правда?

Ники встала и кивнула:

– Она такая красивая. И полностью в вашем распоряжении. – Она провела пальцем по гранитной столешнице и посмотрела на старинные подвесные светильники в форме тюльпанов – Шерон любила их не только за внешний вид, но и за розоватое свечение. – Наверное, вам очень нравится здесь жить.

– Это правда. Многие в моем возрасте задумываются о переезде в дом престарелых. Наверное, в этом есть свои преимущества, но я бы хотела прожить здесь как можно дольше.

– Если бы у меня был такой дом, я бы никогда не переехала.

Шерон улыбнулась:

– Да, согласна.

Ники кивнула и повернулась к ней:

– Итак, если я буду спать на диване, где я могу разложить свои вещи? В прачечной?

Шерон не сразу поняла, что Ники имеет в виду.

– О нет, ты не будешь спать на диване. Ты будешь жить в старой комнате Эми на втором этаже. Пойдем. Я провожу тебя наверх.

Она направилась к двери, ведущей на узкую деревянную лестницу. Когда-то она вела на чердак, но прежние владельцы сделали из него две спальни и ванную комнату. В большой комнате жила Эми, а из второй они сделали кладовую. Они называли ее «комнатой для мусора».

Когда они дошли до комнаты Эми, Шерон с облегчением увидела, что там чисто и нет пыли, кровать застелена, а на полу и на комодe ничего не валяется. Наверное, Эми прибралась, когда приезжала в последний раз.

– Чувствуй себя как дома. Вещей в комодe быть не должно.

Ники поставила чемодан рядом с кроватью и подошла к окну.

– Окно выходит на задний двор, – сказала Шерон, присоединяясь к ней. – Ничего особенного.

– А кто живет в том доме? – спросила Ники.

С высоты второго этажа можно было заглянуть в задний двор соседнего дома и посмотреть прямо в одно из окон наверху. Шерон не была здесь уже целую вечность и забыла, что со второго этажа открывается такой прекрасный вид.

– Флеминги. Семейная пара. У них есть сын-подросток и маленькая собачка.

– Вы их знаете?

– Нет, мы никогда не общались. Просто я иногда проезжаю мимо их дома.

– Ясно.

– Но вчера вечером я заметила у них кое-что странное. – Шерон не собиралась поднимать эту тему, но слова сами собой сорвались с ее уст.

– В каком смысле странное?

Она пожала плечами.

– Наверное, это пустяк. Вчера вечером, часов в одиннадцать, я вышла во двор, чтобы посмотреть лунное затмение. – Шерон помолчала, а когда Ники ничего не ответила, она продолжила: – И я увидела, как маленькая девочка вручную моет посуду. Очень маленькая, ей было лет пять или шесть. Мне показалось, что она стоит на табуретке. Это было очень странно, у них ведь нет дочери. По крайней мере, судя по тому, что я видела.

По выражению лица Ники было сложно понять, о чем она думает. Неужели она считает, что Шерон старая сплетница, которая только и делает, что следит за соседями?

– И даже если бы у них и была дочь, с чего бы ей мыть посуду в одиннадцать вечера? – сказала Ники, заканчивая ее мысль.

– Именно, – сказала Шерон. – Я подумала, что у них гости. Но даже если и так, какой смысл ей мыть посуду?

Ники кивнула, обдумывая ее слова.

Шерон добавила:

– А потом я увидела, как вошла миссис Флеминг. Все продолжалось буквально долю секунды, но видно было, что она была в ярости. Она дернула девочку за руку, и больше я их не видела.

– Мне кажется, это был приемный ребенок, – сказала Ники.

– Вряд ли у них есть приемный ребенок, – сказала Шерон. И тут поняла, что в принципе мало что знает об этой семье.

– Может быть, вы об этом не знали, – сказала Ники. – Это объясняет то, что вы видели. Маленький ребенок моет посуду поздно вечером. Возможно, ее наказали, а потом она попала в еще более серьезные неприятности, потому что не смогла сделать все как надо.

– Нет... – Шерон была потрясена. – Поверить не могу, что кто-то будет относиться так к маленькому ребенку.

Ники засмеялась. Ее смех был больше похож на издевательский лай.

– Уж поверьте. Такое случается сплошь и рядом.

– Но она же такая маленькая! То есть совсем крошечная.

– Именно. – Ники прищурилась. – Я много чего могу вам рассказать.

В голове Шерон раздалось эхо слов Эми: «Никита прошла через ад. Все, что ей нужно, – это комната и поддержка. Чтобы кто-то поддержал ее и показал ее значимость».

Звучит так просто и не составит особого труда.

– Я ее сфотографировала на телефон, – сказала Шерон. – Можешь взглянуть и сказать, что думаешь? – Не дожидаясь ответа, она достала телефон, нашла самую четкую фотографию и показала ее Ники.

Девушка взяла смартфон. Она секунду смотрела на экран, просмотрела остальные фотографии, наконец остановившись на той, которую Шерон открыла изначально.

– Бедняжка, – участливо сказала она, поднимая голову. – Кто-то должен ей помочь.

– Ты считаешь? – Было неприятно слышать, как кто-то другой произносит ее мысли вслух. – Я тоже об этом думала, но не знала, что делать. Я не заметила, чтобы с ней жестоко обращались. Просто это было странно. К тому же я не знаю эту семью.

– Это непросто, – сказала Ники.

– Как ты думаешь, мне стоит куда-нибудь обратиться?

– Вы про ювенальную службу?

– Да, вроде того.

Ники задумчиво скривила губы и покачала головой:

– У вас не получится доказать, что с ней жестоко обращались. И вы даже не знаете, что это за ребенок. Может оказаться, что это пустяк.

– Но это не похоже на пустяк, – сказала Шерон.

– Я тоже так думаю.

– Так что же делать?

– Узнать их получше и наблюдать. Поверьте, если что-то кажется вам странным, скорее всего что-то действительно не так. Сообщить о них можно будет, лишь когда вы соберете больше информации. Если сделать это слишком рано, они успеют все скрыть. – Казалось, Ники говорила, основываясь на собственном опыте, и Шерон снова задумалась, через что же ей пришлось пройти.

– Хороший совет.

Шерон выглянула в окно, но на улице никого не было видно. Ничто не указывало, что в семье Флемингов есть какие-то проблемы.

Рассказав обо всем Ники, она почувствовала облегчение. Две пары глаз лучше, чем одна.

Глава 5

– Мия! Мия, где ты? – голос Мэм донесся со стороны входной двери.

Мия выползла из-за дивана. До сих пор никто не знал об этом ее тайном месте, и она хотела, чтобы так оставалось и впредь. Когда Мистер уезжал, Джейкоб был в школе или у себя в комнате, а Мэм не было дома или она была занята, это было единственное место в доме, где ее никто не трогал. Конечно, у нее еще была комнатка в подвале, но ей не разрешали спускаться туда днем: она должна была слышать, когда ее позовут. Когда кто-то из семьи видел, что она сидит без дела, ей придумывали работу. Но пока ее не было видно, она могла хоть немного побыть в покое.

Мэм не нравилось, когда она устраивалась на мебели, а сидеть все время на лестнице было утомительно. Возможность спрятаться за диваном помогала, но нужно было оставаться начеку. Если она не придет, когда ее позовут, у нее будут неприятности.

И она точно будет наказана, если Мэм увидит, где она прячется.

– Я здесь, Мэм, – сказала Мия, встречая ее в прихожей. Пес Гризвольд, верный товарищ Мии, следовал за ней по пятам. Мия забрала сумочку Мэм с ключами и убрала их: ключи она повесила на крючке в кухне, а сумочку убрала в бельевого шкафа – Мэм считала, что туда грабителям и в голову не придет заглянуть.

Мия слышала, как Мэм сбрасывает свои туфли на высоких каблуках. Она знала, что ей нужно будет поднять их и унести в шкаф с одеждой Мэм и Мистера. Но перед этим их нужно будет осмотреть. Если они будут грязные, обувь придется почистить, а если потертыми – отполировать. Мэм очень щепетильно относилась к своим вещам.

– Ох, Мия, что у меня был за день! – Голос Мэм звучал устало. – Мне пришлось целый час ждать врача, а потом он даже не стал меня слушать. После этого мне пришлось заехать к обойщику⁴ и посмотреть образцы ткани. Это полный кошмар. На улицах были такие ужасные пробки, я думала, что не успею на маникюр. А потом мы договорились с подругой поужинать в ресторане, а она опоздала! Как же я устала. Больше никогда не буду планировать столько дел на один день. Тебе так повезло, что ты все время сидишь дома.

– Да, Мэм, – ответила Мия из кухни.

Она встала на цыпочки и повесила ключи на крючок. Как она гордилась, когда впервые поняла, что стала уже такой большой, что доставала до него без табуретки. Крючок помогал ей понять, как она изменилась с тех пор, как три Рождества назад оказалась в доме Флемингов. Конечно, она могла посмотреть на себя в зеркало, но ей не нравилось отражение. У нее были очень короткие волосы. Каждый раз, когда они хоть чуть-чуть отрастали, Мэм брала ножницы и неумело обрезала их. Джейкоб говорил, что она стрижет ее как Дашу-путешественницу.

Но так было не всегда. Однажды Мэм просто надоело распутывать ее волосы после мытья. Она сказала, что с длинными волосами много мороки, и с тех пор регулярно ее стригла. Если бы у нее были фотографии, она могла бы сказать, какими они были тогда и как она поменялась за все это время, но Мэм четко дала понять, что фотографировать Мию запрещено. Однажды Джейкоб сфотографировал ее и добавил ей кроличьи ушки и носик. С ними она выглядела так забавно и мило.

Он сказал ей, чтобы она не рассказывала об этом его маме.

– Сделаешь это – пожалеешь, – предупредил он.

Иногда Джейкоб грозился, что размажет ее по стенке или вышвырнет во двор, но никогда не делал ни того ни другого. Иногда, когда Мэм ругала его, Мия замечала в нем перемену. Она видела, что он сдерживает гнев. С Мией Джейкоб вел себя мило. Когда Мэм не видела, он

⁴ Обойщик – специалист, занимающийся обивкой мягкой мебели.

угощал Мию снеками за то, что она часто убирала за него собачьи какашки на заднем дворе. Она не возражала. Обычно Гризвольд шел впереди и гордо показывал, что именно ей нужно собрать. Глупая собачонка.

Мия поставила сумочку Мэм в бельевой шкаф, рядом с полотенцами для рук, а потом поправила полотенца, чтобы все было аккуратно. Вернувшись за туфлями Мэм, она с облегчением увидела, что они чистые и их не нужно полировать. В этом было одно из преимуществ зимы. Когда Мэм ходила по снегу, на ее туфли не попадали пыль и грязь.

– Мия, быстро иди сюда! – прокричала Мэм из кухни.

Все еще сжимая туфли в руках, Мия поспешила к ней.

– Да, Мэм.

Гризвольд, как обычно, следовал за ней по пятам. Джейкоб всегда говорил, что он был ее тенью.

– Ты закончила стирку?

– Да, Мэм.

– Убрала вещи?

– Да, Мэм.

– Прибралась в ванной наверху и помыла пол на кухне?

– Да, Мэм.

– Наполнила дозаторы для мыла и выкинула мусор?

– Да, Мэм.

Мия гордилась, что смогла сделать все это в рекордно короткие сроки. Хотя Мэм было все равно, сколько времени она на это потратит.

– Где Джейкоб?

Мэм посмотрела поверх головы Мии, как будто он мог в любую секунду выйти в прихожую. Вряд ли это возможно. Особенно когда Джейкоб знает, что его мать дома. Однажды Мия слышала, как он разговаривал с другом по телефону. Тогда он надеялся, что его родители разведутся, и если это произойдет, он будет жить с папой.

Мия подняла палец, показывая, что Джейкоб у себя в комнате. В этом году он заканчивал школу, и его родители думали, что когда он там, он занимается. Она знала, что это не так.

– Он сделал вам ужин?

Мия кивнула:

– Да, Мэм.

К восторгу Мии, они ели куриные наггетсы, картошку фри и яблочное пюре. И Джейкоб не просто приготовил ужин. Он позволил ей сидеть вместе с ним за обеденным столом и разрешил съесть столько кетчупа, сколько ее душе было угодно. Он все время смотрел в экран телефона и даже не заметил, что она бросила Гризвольду несколько отборных кусочков курицы. Жаль, что нельзя ужинать так каждый вечер.

– Очень хорошо. Тогда я отпущу тебя раньше. Уберешь мои туфли и можешь идти вниз.

– Да, Мэм.

Стараясь скрыть ликование, Мия поднялась по лестнице и аккуратно поставила туфли на полку в гардеробной Мэм. Спустившись вниз, она прошла мимо кухни. Мэм налила себе бокал вина.

– Спокойной ночи, Мия.

– Спокойной ночи, Мэм.

– Не забывай, завтра утром ты можешь подняться на завтрак, но потом должна будешь вернуться к себе в комнату. И чтобы ни единого звука. – Мэм закупорила бутылку и открыла холодильник. – Завтра на кухне будут устанавливать новые жалюзи, и мне нужно, чтобы ты сидела тихо как мышка. Ты поняла?

Мия кивнула. Жалюзи на кухне были опущены, сколько она себя помнила. Они скрывали солнечный свет и вид во двор. Когда жалюзи сломались – соскочили с кронштейна – Мэм обвинила в этом ее. Но она была не виновата.

Мистер заступился за нее.

– Девочка не может даже дотянуться до ручки, – сказал он. – Она никак не могла их сломать.

Он подмигнул Мие, но она не совсем поняла этот жест. Как будто им с Мистером сейчас удалось что-то удачно повернуть, но что – она понять не могла. Она понятия не имела, что произошло с жалюзи. Вчера они еще висели на окне, а сегодня – аккуратно лежали на столешнице.

Наверное, это сделал Джейкоб.

Мэм посмотрела на нее поверх бокала вина.

– Собака останется здесь. Через минуту я спущусь и уложу тебя спать.

– Да, Мэм.

Радуюсь такому повороту событий, Мия жестом командовала Гризвольду сидеть на месте и спустилась в подвал. Остаток вечера и часть завтрашнего утра были в ее полном распоряжении. Спустившись, она отправилась прямо в дальний угол, в место, которое Джейкоб называл ее «тайной комнатой».

– Это суперкруто, – сказал он. – Больше ни у кого такой нет.

В этом ей повезло.

Стены подвала были покрыты светлыми деревянными панелями; полы выглядели деревянными, но на самом деле были покрыты рифленным пластиком. Когда она только поселилась у Флемингов, Мэм разрешила ей спать в свободной спальне наверху.

Проблемы начались, когда Мэм поняла, что ее придется где-то прятать от посторонних. Для этого нужно было какое-то надежное место.

Несколько месяцев спустя ей в голову пришла гениальная мысль. Она пригласила плотника и попросила его сделать стену в дальнем конце подвала. За стеной он соорудил комнату. Комнату Мии. Она была скрыта за книжным шкафом. Все книги на полках были закреплены, а на средней полке был замок, чтобы комнату можно было запирать снаружи. Если шкаф был на месте, казалось, что там сплошная стена. И никто бы не догадался, что за шкафом скрывается комната Мии.

А еще в подвале была ванная. Ею пользовалась только Мия, так что она тоже была частью ее личного пространства.

Девочка слышала, как Мэм сказала плотнику, что в этой комнате будет храниться кое-что ценное.

«Кое-что ценное», – Мия прокручивала эти слова у себя в голове.

Ей было приятно, что ее считают ценной.

Правда, когда она пересказала эту историю Джейкобу, он опустил ее с небес на землю.

– Она не тебя имела в виду, – сказал он. – Она для того чувака это сказала.

Джейкоб кое-что понимал в жизни. Скоро он станет взрослым, а Мия была еще маленькой. Недавно она спросила Джейкоба, почему у нее нет дня рождения, как у всех остальных. Он объяснил, что это потому, что они не знают, когда она родилась.

– Мы считаем, что тебе примерно шесть или семь лет, – сказал он. – Если бы знал точнее – сказал бы.

И вот у нее появилась ее собственная спальня. Мэм любила напоминать, что строительство этой спальни было очень хлопотным и затратным – и они сделали это только ради Мии. В комнате были комод, кровать и старый телевизор. Телевизор ей подарил Мистер, когда Мэм купила в их спальню новый. Он показывал всего несколько каналов, и картинка была ужасной, но это было лучше, чем ничего. Она смотрела его тихо, чтобы не давать Мэм повода его

отобрать. Этот телевизор был ее единственной связью с внешним миром. Она многому научилась из новостей и канала PBS. Благодаря «Улице Сезам» она научилась читать – но это был ее секрет. Как только она выучила буквы, она стала с легкостью различать слова в книгах. Книги ей подарил Джейкоб, он сам читал их, когда был ребенком. Мия не знала, разрешит ли Мэм их оставить, так что прятала их в одном из ящичков своего комода.

Мия быстро умылась и почистила зубы. Нужно было успеть, пока Мэм не спустится в подвал, чтобы уложить ее спать.

Когда Мэм начала спускаться по лестнице, Мия уже отодвинула книжный шкаф, переоделась в ночную рубашку и лежала, натянув простынь до подбородка.

– Все готово, Мия? – раздался голос Мэм с другой стороны дверного проема.

– Да, Мэм.

– Хорошо.

Мэм задвинула книжный шкаф, закрывая дверь. Через секунду щелкнул замок. В комнате стало темно.

Мию уложили спать.

Глава 6

Следующим утром, когда Ники спустилась на первый этаж, Шерон уже сидела на кухне с чашкой кофе в руке и читала газету. Она только что доела тост с корицей и изюмом и кивнула Ники в знак приветствия:

- Доброе утро.
- Доброе утро.

Сегодня Ники была одета в темные брюки и полосатую рубашку. На ногах у нее были черные балетки. Конечно, не строгий деловой стиль, но куда более консервативно, чем вчера. Когда на Ники не было огромной толстовки с капюшоном, она казалась такой крошечной, просто удивительно. У нее были миниатюрная фигурка и тонкая талия – мечта большинства женщин. И это не единственное отличие, которое Шерон отметила в сравнении со вчерашним днем. Ники собрала волосы в пучок, открыв взору высокие скулы, идеальную кожу и большие темные глаза. Сочетание было ошеломляющим.

– Отлично выглядишь, – сказала Шерон.

Ники смущенно потянула рукав рубашки.

– Я хотела сегодня поискать работу. Нужно поскорее найти новое место.

– Отличная мысль. – Шерон кивнула в направлении тостера: – Угощайся, если хочешь.

Тосты с корицей и изюмом.

– Спасибо, с удовольствием.

Шерон отметила, что они старательно обходят острые углы, чтобы друг друга не обидеть. Вчера вечером, после того как Ники ушла к себе в комнату, Эми позвонила узнать, как у них дела, внимательно выслушала мать и дала ей список инструкций.

«Не нужно чрезмерно вокруг нее суетиться. Четко дай понять, чего ждешь. Пусть она чувствует себя как дома, но не нужно на нее давить. Не задавай слишком много вопросов. Она может сбежать, если решит, что ты не хочешь ее видеть».

Услышав этот список указаний, Шерон испытала смешанные чувства. С одной стороны, это полезная информация. С другой – в какой-то степени это было оскорбительно. Она скорее всего и так бы сделала все, что перечислила Эми. Но она понимала, что напоминание никогда не будет лишним.

– В чайнике есть кофе, а в холодильнике – апельсиновый сок, – сказала Шерон. – Стаканы и чашки в верхнем шкафу слева от холодильника.

Ники кивнула, засунула в тостер два куска хлеба и налила себе сок. Когда она села за стол, Шерон решила, что прошло достаточно времени и можно продолжить разговор.

– Значит, сегодня ты будешь искать работу? – спросила она.

– Такой план. Я уже позвонила на старую работу и сказала, что увольняюсь, потому что переехала и мне не на чем до них добираться.

– Сильно они сердились? – спросила Шерон. Ей никогда не доводилось так увольняться. Иногда это казалось заманчивым, но она всегда предупреждала работодателя и отработывала положенные две недели.

– Уверена, они рассердятся. – Ники улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы. – Я оставила им голосовое сообщение.

«А, голосовое сообщение».

Это сильно упрощало дело.

– Хотелось бы мне иметь такую возможность, когда я была в твоём возрасте. Сейчас все намного проще.

– Ага.

Шерон сделала глубокий вдох и мысленно перешла в деловой режим. Если Ники будет жить с ней, нужно знать, чего от нее ожидать.

– Вчера мы толком не поговорили, – сказала она. Ники помрачнела. Вероятно, она ожидала, что ей будут читать нотации. Но этого Шерон как раз делать не собиралась. – Наверное, нам стоит обменяться номерами телефонов. Еще я хочу дать тебе комплект ключей от дома. Так ты сможешь приходить и уходить в удобное для тебя время.

Ники явно испытала огромное облегчение.

– Раз мы об этом заговорили, – сказала она, – сколько у меня есть времени и какие у вас правила? – Она сделала глоток апельсинового сока, не сводя глаз с Шерон.

– Сколько у тебя времени?

– Сколько мне можно здесь жить.

Шерон резко потянула носом воздух. После первого телефонного разговора с Эми она хорошенько все обдумала. Во время первой, краткой встречи в торговом центре Ники произвела на Шерон впечатление жесткого и независимого человека. Отчасти это было действительно так. В конце концов, она съехала от предыдущих арендодателей, несмотря на то что у женщины были серьезные возражения. Там явно произошло что-то нехорошее, и Шерон была почти уверена, что это как-то связано с тем мужчиной, который смотрел на Ники из окна. Но, несмотря на то что она провела с девушкой совсем мало времени, ее мнение о ней изменилось. Эми была права. Ники пришлось многое пережить, и она заслужила шанс начать все с чистого листа.

– Пока мы ладим, ты можешь жить здесь сколько захочешь, – сказала Шерон.

– Сколько захочу, – повторила Ники. Она как будто не могла до конца в это поверить. – А какие у вас правила?

– Я не могу ничего придумать, – сказала Шерон почти извиняющимся тоном. – Просто будь тактичным гостем. Не бросай на пол мокрые полотенца, убирай за собой – ну знаешь, обычное разумное поведение.

– А какой у меня комендантский час? – спросила Ники, как будто это для нее было обычным делом.

– Ну, ты уже взрослая и можешь сама распоряжаться своим временем – при условии, что не будешь мешать мне спать. Предупреждай заранее, если будешь поздно возвращаться домой. Мне хотелось бы знать, что в три часа ночи в доме шумишь ты, а не грабители. – Точно такой же договор Шерон заключила с Эми, когда та достигла совершеннолетия. По большей части это было вызвано необходимостью. Эми была хорошим ребенком, а Шерон поняла, что у нее нет сил засиживаться допоздна только для того, чтобы ее контролировать. На самом деле иногда вернуться домой вовремя просто нет возможности. Когда Эми училась в колледже и жила дома, она часто уходила с работы в одиннадцать вечера. Если после этого они с коллегами заходили в круглосуточное кафе перекусить и поболтать, она спокойно могла вернуться домой в два или три часа ночи. – Тебя это устраивает?

– Конечно.

Они посидели еще немного. Ники ела, а Шерон разгадывала sudoku. Когда Ники доела, она взяла тарелку Шерон, поставила ее в свою, а потом сполоснула обе в раковине и поставила их в посудомоечную машину.

– Итак, – почти небрежно сказала она, – сколько я должна буду платить вам за жилье?

Вместо того чтобы ответить на вопрос, Шерон сказала:

– Эми говорит, что ты копишь на машину и собственное жилье.

– Такой план. Хотя я делаю это уже целую вечность. Когда я вышла из-под опеки, мы снимали квартиру со знакомыми. Это было не сильно накладно и не нужно было платить залог. Я просто заехала и платила каждый месяц. – Она пересекла комнату и села за стол напротив Шерон. – Если я буду снимать квартиру сама, мне придется платить намного больше. Я не

против делить с кем-то комнату или ездить на автобусе, но даже с учетом этого мне придется внести плату за первый месяц или половину этой суммы, если я буду снимать квартиру с кем-то. И потом еще же есть залог, мебель, кухонная утварь, – она повела рукой в сторону кухонных шкафов.

– Это много, – с добротой в голосе сказала Шерон. Она вспомнила то время, когда сама была молода и только начинала жить самостоятельно. Тогда ее родители продали ей за бесценок одну из своих старых машин. По сути, отдали ее даром. Родственники, у которых была ненужная мебель и домашняя утварь, тоже внесли свой вклад, а остальное она купила в комиссионных магазинах и на распродажах. Потом она покупала вещи по мере необходимости, а еще позже даже те вещи, которые были ей не нужны. Делала импульсивные покупки. Она с сожалением вспомнила о хлебопечке, которой пользовалась всего несколько раз, и соковыжималке, которой когда-то поклялась пользоваться регулярно. От хлебопечки она без зазрения совести избавилась, но расстаться с соковыжималкой почему-то не смогла. Впрочем, это всего лишь вопрос времени. Оглядываясь назад, она поняла, что потратила первую половину жизни на приобретение вещей, а теперь тратит вторую половину на то, чтобы от них избавиться.

Ники кивнула:

– Вы правы. Это много.

Шерон приняла решение.

– Давай пока не будем думать об арендной плате. Можешь жить бесплатно. Ты – моя гостья, и я дам тебе знать, если что-то поменяется.

– Погодите. – Ники, казалось, была сбита с толку. – Но вы же должны что-то с меня брать. Я не могу просто так жить здесь и ничего не платить.

– Можешь, если я так скажу. Это мой дом, и я могу делать здесь все, что захочу, – сказала Шерон. – Пока ты работаешь над достижением своей цели, я не против, чтобы ты жила здесь бесплатно. Если ты начнешь спускать деньги на всякие глупости вроде азартных игр или наркотиков, я вернусь к этому вопросу.

Ники нахмурилась:

– Я не принимаю наркотики. Значит, вот что вы обо мне думаете?

Шерон наклонилась вперед и положила руку на стол.

За спиной Ники маленькая коричневая птичка приземлилась на кормушку, прикрепленную к стеклу на присоску.

– Нет, Ники, я не думаю, что ты принимаешь наркотики. Но я тебя не знаю, а ты не знаешь меня, так что я говорю это на всякий случай. Я не хочу жить с наркоманкой или запойной алкоголичкой. Это не личное – просто мои принципы. Да и к тому же ты ведь совсем не знаешь меня. А вдруг я наркоманка? Нам обеим известно только одно – за нас поручилась Эми. Мне кажется, это значит, что с нами все в порядке.

Ники оглядела комнату.

– Вы совершенно точно не наркоманка.

– Ты говоришь очень уверенно.

– Я могу сказать наверняка, – твердо сказала она. – У вас ясные здоровые глаза, чистый дом, вы уже проснулись и готовы к новому дню.

– Я стараюсь идти в ногу со временем. – В голосе Шерон появились нотки гордости. – И все же, к твоему сведению, это может быть маской. У меня может быть тайная жизнь.

– Нет. – Ники покачала головой. Серебряные серьги закачались у нее в ушах. – Вы точно не наркоманка. Я много их повидала. Я бы сразу поняла.

Глава 7

Торговый центр располагался в трех километрах от дома Шерон. Когда Ники заявила, что пойдет туда пешком, Шерон сказала:

– Не говори глупостей. Сегодня слишком холодно. Я могу тебя отвезти.

Ники поерзала на стуле, словно оценивая оба варианта.

– Вы уверены? – наконец сказала она.

– Конечно, уверена. Это совсем не проблема. Кроме того, мне больше нечем заняться. –

Она удивилась, когда поняла, что произнесла последние слова вслух.

Неужели ей и правда больше нечего делать?

С одной стороны, у Шерон была очень насыщенная жизнь. Она любила бывать на свежем воздухе. В зависимости от времени года она работала во дворе или убирала снег. Часто она ходила в библиотеку или в продуктовый магазин. И у нее было много дел: она ходила в парикмахерскую, к стоматологу, на плановые приемы к врачу. Она обедала с друзьями, а по воскресеньям ходила в церковь. Уборка и стирка были для нее приоритетными задачами, так как она терпеть не могла грязь и беспорядок. Все эти мелочи означали, что она всегда была в движении: встряхивала миску с кошачьим кормом, чтобы казалось, что там есть еда, протирала все плоские поверхности в доме, убирала пыль со стеклянных птичек, драгоценных безделушек ее матери. Она завела себе правило делать дела до обеда и только потом читать или смотреть новости. Обычная награда за продуктивный день. Но если честно, ни одно из этих дел не было критически важным в сравнении с необходимостью помочь этой девушке найти свой путь в жизни.

Когда они сели в машину, она спросила у Ники:

– У тебя есть водительские права?

Ники застегнула ремень безопасности.

– Ага. Эми научила меня водить, а потом отвезла на экзамен. Я сдала с первой попытки. –

Она ухмыльнулась и повернулась к Шерон. – Я с тех пор не часто садилась за руль, у меня ведь нет своей машины. Но хорошо иметь водительские права как удостоверение личности.

– Со временем у тебя появится машина, – сказала Шерон. – На все это нужно время.

Она показывала Ники местные достопримечательности – библиотеку, почту, заправку.

Когда через несколько кварталов они свернули на другую улицу, Ники показала пальцем в сторону одного из зданий.

– О, школа Эми! – воскликнула она.

– Точно.

Ники постучала по стеклу.

– Она ненавидела школу. Прогуливала занятия и ходила на летние курсы, чтобы окончить учебу на год раньше.

– Ты много знаешь о моей дочери.

– Мы много времени провели вместе. – Долгая пауза. – Она и о вас много рассказывала.

Шерон подняла брови. Эми почти ничего не рассказывала ей о Никите, ссылаясь на ее личные проблемы. Но похоже, в обратную сторону это не работало.

– Надеюсь, она говорила только хорошее.

– Только хорошее, – уверила ее Ники. – Ничего плохого.

Шерон заехала на парковку торгового центра и посмотрела на витрины магазинов. Там были несколько элитных модных бутиков, ювелирный магазин, цветочный магазин, мага-

зин спортивного питания, сувенирный магазин и школа карате. С краю была аптека сети «Walgreens»⁵.

– Можем начать с аптеки, – предложила Шерон. – Каждый раз, когда я захожу туда, на кассе стоит кто-нибудь новенький.

Женщина припарковалась ближе к середине торгового центра.

Ники покачала головой:

– Не. Слишком большая компания. Я не хочу быть частью огромной корпорации. Плюс, скорее всего они просто скажут отправить резюме по почте.

– А разве не так сейчас обычно делают? Сейчас, похоже, все делается через Интернет.

– Ну да, типа того. Но я заметила, что в небольших магазинах предпочитают сначала посмотреть на кандидата. Так что стараюсь приходить лично. Тогда мое резюме выделяется. – Она отстегнула ремень безопасности и повернулась к Шерон. – Вы точно не против меня подождать?

– Да, без проблем. Я взяла с собой книгу. Не торопись, – сказала она.

Ники вышла из машины и уверенно направилась к цветочному магазину.

Шерон старалась поддерживать местных бизнесменов и хотя бы раз побывала в большинстве этих магазинов. Но она обнаружила, что в основном они ориентированы на довольно состоятельную клиентуру. Честно говоря, Шерон понятия не имела, как они держатся на плаву. Однажды она задала этот же вопрос Эми, и та ответила: «Есть бесчисленное количество способов. Отмывание денег. Контрабанда оружия. Рабский труд». По ее словам, способов преступного заработка было множество и постоянно появлялись новые, более изощренные. Если бы Шерон не знала свою дочь, она решила бы, что та шутит. Но Эми не шутила; у нее был очень скептический взгляд на мир, хотя она, конечно, назвала бы это иначе. Она просто видела его по-другому, и ей казалось, что ее мать смотрит на жизнь через розовые очки.

«Шерозовые очки», – в шутку говорила она.

По мнению Эми, ее мать с какой-то очаровательной наивностью относится к людским недостаткам.

Это был не слишком хороший комплимент, но, по крайней мере, Эми считала ее очаровательной.

Шерон достала из сумки книгу, но открывать ее не стала. Вместо этого она внимательно смотрела на дверь цветочного магазина. Ники с мрачным видом вышла на улицу. Но разочарование, кажется, не сломало ее решительного настроя. Она повернулась и вошла в магазин сувениров.

У Ники не было зимней одежды, Шерон обратила на это внимание еще дома. Но она не стала задавать вопросов. Судя по тому, что она видела, единственной ее верхней одеждой была толстовка.

Наверное, этот вопрос поднимать не стоило. По крайней мере – не сегодня. Они еще притирались друг к другу. Но рано или поздно Шерон придется к нему вернуться. Нельзя, чтобы Ники ходила зимой без верхней одежды. Это было не только неудобно, но и опасно.

Очень скоро Ники вышла и из «Необыкновенных подарков от Нэнси». В этом не было ничего удивительного. Шерон догадывалась, что это место ей не подходит. Там было множество коллекционных статуэток, зеркал в позолоченных рамках и художественных гобеленов. На нижнем конце шкалы цен располагался ассортимент поздравительных открыток, но даже они стоили не меньше десяти долларов. Шерон это было известно, потому что когда магазин только открылся, она сходила туда на разведку. Сразу же она почувствовала себя неловко. Продавец, кажется, это поняла, потому что стала нависать над Шерон, как будто та могла по неосторожности что-нибудь сломать. Нет, этот магазин был не для Ники.

⁵ Walgreen Company – крупнейшая аптечная сеть в Соединенных Штатах Америки.

Выйдя из этого магазина, Ники уверенно пошла в соседний. Она не собиралась так легко сдаваться, это уж точно.

Шерон загнула двигатель, но солнце все равно согревало ее через ветровое стекло. Она наблюдала, как Ники ходит из отдела в отдел, пока она не зашла в магазин спортивного питания. Когда она не вышла оттуда через пятнадцать минут, Шерон открыла книгу и начала читать.

Она настолько погрузилась в сюжет, что вздрогнула, когда Ники открыла дверь и села рядом с ней.

– Простите, что так долго, – сказала она, переводя дух. – Но знаете что? – Ее голос дрожал от возбуждения. Шерон подняла голову и посмотрела на Ники. – У меня есть работа! – радостно воскликнула девушка, поднимая голубую футболку-поло с вышитой слева надписью «Могучее питание». – В магазине спортивного питания. Он сказал, что я могу приступить с завтрашнего дня. Один из их сотрудников неожиданно уволился, так что им срочно нужна замена.

– Поздравляю! – сказала Шерон, ткнув ее кулаком в плечо. Слава богу, Эми научила ее так делать. Шерон умела только «давать пять». Технически, сказала она, это было правильно, но так уже почти никто не делает. Разве что спортсмены. – Ну, как все прошло?

Ники рассказала ей все, пока они ехали домой. Этот магазин работал уже три года и при этом не был франшизой или частью крупной сети.

– Владельцы – муж и жена. Я разговаривала с мужем. Прикольный старик по имени Макс. Завтра я познакомлюсь с его женой. У них есть только два работника, но они работают неполный рабочий день. И еще один работает тридцать пять часов в неделю. Это буду я. Я буду заниматься фреш-баром. В задней части магазина у них есть небольшое кафе. Оно очень милое, и там продают только сок. Он сказал, что я буду получать немного чаевых наличными – мелочь, а все равно приятно.

– Деньги правят миром, – сказала Шерон.

– Это точно! – Ники широко улыбнулась, вытянула руку и распустила свой пучок. Ее волосы рассыпались по плечам. – Поверить не могу, что сразу нашла работу. Я немного переживала. Не хотела, чтобы вы считали, будто я бездельница.

– Я бы так и не подумала. – Шерон была тронута тем, что Ники ценит ее мнение. Она снова поняла, насколько ошибочным было ее первое впечатление о девушке. Когда они въехали на подъездную дорожку, она спросила: – Во сколько ты завтра начинаешь?

– Они открываются в девять, но он сказал мне прийти на полчаса раньше, чтобы ознакомиться с обязанностями.

Шерон остановилась на подъездной дорожке, ожидая, когда откроется дверь гаража.

– То есть к восьми тридцати. Я тебя отвезу.

– Не надо, это вовсе не обязательно.

– Я знаю, что это не обязательно, – сказала Шерон. – Но я хочу это сделать. Так я смогу чувствовать себя полезной, так что на самом деле это я буду у тебя в долгу. Кроме того, у меня в той стороне все равно есть кое-какие дела, так что ничего страшного.

– Я очень это ценю. – Голос Ники стал тише. – Вы и Эми – лучшее, что случилось в моей жизни.

Шерон поняла, что стояло за этими словами. Этот печальный комментарий тронул женщину до глубины души. Сколько это говорило о ее жизни. Считать простое проявление доброты лучшим, что с ней случилось. Но Шерон была счастлива сыграть такую важную роль в жизни другого человека.

Как часто в жизни появлялась такая возможность? Не так уж и часто.

Или просто она не искала ее.

Глава 8

На следующее утро Мэм открыла дверь раньше обычного.

– Шевелись, Мия! – резко сказала она, трижды хлопнув в ладоши. – Нельзя терять время. Работник придет рано.

Мия знала, что это значит. Ей нужно было как можно скорее закончить утренние дела и быстро поесть, а затем вернуться в спальню до дальнейших распоряжений.

«Как можно скорее» – эту фразу Мэм говорила чаще всего. Выражение «до дальнейших распоряжений» было на втором месте. Однажды Джейкоб решил передразнить Мэм и насмешливо протянул «до дальнейших распоряжений». За это она дала ему такую пощечину, что у него покраснело ухо. Это потрясло и Джейкоба, и Мию. Обычно били Мию, Джейкобу читали нотации или сажали его под домашний арест. Иногда, в наказание за самые серьезные проступки, мать забирала у него телефон. В такие моменты он был совершенно несчастным, и его подавленное настроение передавалось и Мие. Пощечина была чем-то совершенно беспрецедентным.

Позже он обвинял во всем Мию.

– Если бы ты вовремя закончила все дела, – говорил он, – она не была бы в таком плохом настроении.

Он был прав. Мия из-за этого чувствовала себя просто ужасно. Как много зависело от того, успеет ли она выполнить все желания Мэм в отведенные временные рамки. От настроения Мэм зависело, казалось, счастье всей семьи. Это касалось даже Гризвольда.

Тем утром Мия поспешно оделась, умылась, почистила зубы и пошла наверх. Гризвольд радостно ткнул ее носом в ногу в знак приветствия. Сначала ей нужно будет насыпать в миску Гризвольда корм и дать ему свежей воды. Затем она вытащит все из посудомоечной машины – или, если в раковине есть посуда, – загрузит ее. Сегодня утром она старалась не подходить к окну. За два дня до этого Мэм вытащила ее из постели и заставила мыть большие кастрюли в раковине. Мия очень старалась отмыть их, но все равно попала в неприятности. Она сама виновата: не догадалась, что без жалюзи ее можно увидеть через окно. Когда Мия, опустив руки в мыльную воду, скребла кастрюлю, Мэм вскрикнула. Мия так испугалась, что немного описалась.

– Отойди от окна, глупая девчонка! Ты что делаешь?

Мэм схватила ее за руку и стянула с табуретки. Она так сильно встряхнула ее, что у нее застучали зубы. Потом Мэм сердито отправила ее спать.

Позже Мэм извинилась:

– Прости, что так вышло, Мия. Если бы ты всегда делала все как надо, мне не пришлось бы быть с тобой настолько суровой.

Мия кивнула, не поднимая глаз.

Мэм продолжила:

– Думай головой хоть немножечко. Я пытаюсь научить тебя делать все по уму, но у меня ничего не получится, если ты не будешь слушаться.

Когда пауза затянулась настолько, что потребовался ответ, Мия сказала:

– Простите.

Мэм кивнула:

– Умница моя.

Эти слова согрели сердце Мии. На самом деле она не была частью семьи, но она принадлежала им.

«Умница моя».

Мия покормила собаку и вытащила посуду из посудомоечной машины. Потом она насыпала себе хлопьев и налила в миску молока, стараясь не пролить ни капли. Она ела за стойкой, в то время как остальные члены семьи сидели за кухонным столом. Мистер допил кофе и молча пошел за телефоном и ключами. Мия услышала, как он перебирает одежду в стенном шкафу. Затем он вернулся в комнату, уже одетый в пиджак, в котором ходил на работу, и с парой кожаных перчаток в руке.

– Я пошел.

Мэм даже не подняла головы.

– Угу.

– Пока, пап, – сказал Джейкоб.

– Хорошего дня, сын, – сказал Мистер. – И тебе, Мия.

Мие нравилось, когда он прощался и с ней тоже. Она доедала хлопья с улыбкой.

Прибравшись на кухне и получив разрешение пойти в свою комнату, Мия спустилась вниз, на этот раз в сопровождении Гризвольда. Обычно ей не разрешали брать его к себе, но этим утром Мэм сделала исключение.

– Иначе он будет путаться под ногами, когда будут устанавливать жалюзи.

Мия закрыла книжный шкаф изнутри, а потом откинулась на спинку кровати, похлопав рядом с собой. Гризвольд запрыгнул на кровать и удобно устроился рядом с ней. Он был таким теплым и мягким. Она погладила его по шерстке и почесала у него за ушками.

– Кто самый милый, самый лучший пес? – прошептала она. Гризвольд тихо фыркнул и забил хвостом о кровать.

Мия была его любимицей. Джейкоб говорил, что это потому, что она его кормит, но Мия считала, что дело не в этом. Ей казалось, что их обоих замечали только тогда, когда они делали что-то не так.

Сегодня был один из лучших дней в ее жизни. Лучше был только день, когда Мистер решил, что она поедет с ними на ярмарку штата два лета назад. Мэм была против, но он настоял на своем:

– Сюжетта, неужели ей нельзя немного повеселиться? Если мы встретим кого-нибудь из знакомых, то просто скажем, что к нам на неделю приехала погостить племянница.

Мэм фыркнула:

– Племянница? Она совсем на нас не похожа! Кроме того, люди обязательно спросят про ее родителей, и что я скажу? – Она сложила руки на груди и вызывающе вздернула подбородок. – Все мои друзья знают, что у меня только один брат и у него нет детей. А твоя сестра слишком стара, чтобы иметь такого маленького ребенка.

– Ну ладно, – нетерпеливо сказал он. – Тогда скажем, что она дочь двоюродной сестры. Что ее удочерили из Центральной Америки. – Он подмигнул Мие, и девочке показалось, что ее сердце заколотилось быстрее.

С огромным трудом ей удалось сдержаться и не улыбнуться ему в ответ. Во время поездки ей пришлось все время носить сумочку Мэм, но оно того стоило. Там было так красиво, так шумно! И так много людей! Влюбленные пары, семьи с настоящими мамами и папами – родители, которые держат за руки своих маленьких детей или толкают малышек в колясках. Один папа посадил маленького мальчика себе на плечи и сказал:

– Вот, теперь тебе все будет видно.

Все это поразило Мию до глубины души.

В тот день было жарко, но ее это не смущало. Она все еще помнила вкус профитролей и жареного сыра. Выражение ее лица, когда она откусила первый кусочек профитроля, заставило Мистера рассмеяться от удовольствия. Потом они обошли несколько скотных дворов, и она была вне себя от радости, когда увидела животных на ферме. Джейкоб все время жаловался на ужасную вонь, и Мия втайне была с ним согласна.

Сегодня тоже был хороший день. Утром ей ничего не нужно было делать, они были вдвоем с Гризвольдом. Услышав наверху тяжелые шаги, Мия поняла, что это рабочий пришел устанавливать новые жалюзи. Мэм что-то сказала ему, но Мия не могла разобрать ее слов. Этот резкий, властный тон был ей хорошо знаком. Очевидно, Мэм давала работнику указания и давала ему понять, что ожидает только самого лучшего результата.

У Мэм были очень высокие требования.

Мия зарылась лицом в мягкую собачью шерсть.

– О, Гризвольд, – сказала она. – Я так сильно тебя люблю.

В ответ он запищал и восторженно забил хвостом по кровати.

Он говорил, что тоже любит ее.

Глава 9

В свой первый рабочий день в «Могучем питании» Ники проснулась рано. Переход от сна к бодрствованию происходил постепенно. С минуту Ники лежала в уютной, словно мягкое облако, постели, глядя, как луч солнечного света пробивается сквозь щель между занавесками, и вспоминала, где она и как сюда попала.

Она в комнате Эми. Лежит на кровати, на которой спала Эми, и живет в доме, где Эми жила со своей матерью. А теперь здесь живет Ники. В каком-то смысле она словно шагнула из своей жизни в прежнюю жизнь Эми. И эта мысль вызвала у нее улыбку.

Эми была уже третьим ее назначенным адвокатом. Первая ушла, когда родила ребенка. Вторая, Энджи, не смогла совмещать работу с Ники с новой должностью. Уходя, она извинилась перед ней и сказала, что после повышения у нее совсем не хватает времени.

– Дело не в тебе, правда, – сказала она.

Ники просто пожала плечами. Она привыкла, что ей стоит рассчитывать только на себя. Люди рядом с ней надолго не задерживались. Феноменально уже то, что они просто ей помогали, учитывая, что это добровольная обязанность. И Ники всячески старалась показать, что она очень им признательна.

Первые два адвоката хорошо выполняли свои обязанности, но Эми пошла куда дальше. Она ходила с Ники по магазинам, покупала ей школьные принадлежности, посещала родительские собрания и вступилась за Ники, когда ее пригрозили отстранить от занятий за инцидент в школьном туалете.

Она была в этом не виновата.

Несколько девушек прижали ее к стене и приставили к шее ножницы. Ники была шокирована, она понятия не имела, почему они решили подкараулить именно ее. Главная зачинщица, девушка по имени Тру, сказала, что у Ники совсем нет мозгов, раз она флиртует с ее парнем, Джейсом. Когда Тру пригрозила убить ее, Ники начала сопротивляться. Не обратив внимания на прижатые к ее горлу ножницы, она ударила Тру по руке и пнула другую девушку. Они отпрянули, Ники протиснулась сквозь толпу и вышла в безопасный школьный коридор.

На следующем уроке Ники твердо решила больше не ходить в туалет во время учебы. Еще она решила больше никогда не разговаривать с Джейсом. Она даже здороваться с ним не будет. Ей казалось, что худшее уже позади, но на следующее утро ее вызвали в кабинет заместителя директора и сказали, что ее отстраняют от занятий за драку. Она попыталась объяснить, что произошло, но миссис Марцетти не стала ее слушать. Она обращалась с Ники так, словно это она была во всем виновата.

– Не знаю, как было принято в других школах, в которых вы учились, но в нашей школе хулиганство неприемлемо, – сказала она, поправляя очки на переносице. – Категорически.

– Это они начали. Они поймали меня в туалете и приставили к моему горлу ножницы, – сказала Ники. – Они мне угрожали и говорили, что убьют меня.

Миссис Марцетти продолжала говорить, не обратив на Ники никакого внимания. Пожилая женщина сердито сообщила ей, что у одной из девочек на ноге синяк размером с теннисный мяч, а у другой – порез на щеке.

– Вы могли серьезно их ранить! – возмущенно сказала она.

– Я ничего им не делала. Это *они* напали на меня. *Они* мне угрожали, *они* говорили, что убьют меня.

Слова Ники повисли в воздухе: миссис Марцетти ничего не ответила. Она велела ей забрать свои вещи из шкафчика и дожидаться приемных родителей у выхода из школы. Им сообщат о произошедшем.

Стараясь сдерживать слезы и чувство отчаяния, Ники вышла из кабинета. Это просто катастрофа. Ей придется сидеть возле входа весь день. Ее приемные родители работают полный рабочий день и не смогут приехать за ней до конца смены. А уж когда они приедут, по головке ее точно не погладят. Они даже могут попросить, чтобы ее отдали в другую семью.

Ники со слезами подошла к своему шкафчику, достала телефон и позвонила Эми.

Едва она произнесла «отстраняют от занятий», Эми сказала:

– Ники, стой на своем. Я сейчас приеду.

Час спустя Эми вихрем ворвалась в школу. Преисполненная благодарностью, Ники начала рассказывать ей, что произошло. Когда она закончила свой рассказ, Эми была в ярости.

Пылая праведным гневом, Эми подошла к двум сотрудницам, молча работающим за компьютером за высокой стойкой.

– Прошу прощения, – сказала она, нарушая тишину. – Мне нужно немедленно встретиться с миссис Марцетти.

Женщины забормотали какие-то нелепые отговорки:

– Миссис Марцетти сейчас занята. Вы можете записаться на встречу, и она поговорит с вами в любой другой день.

Эми перегнулась через стойку и жестко сказала:

– Нет, так не пойдет. Мне нужно встретиться с ней прямо сейчас. – С каждым словом ее голос становился все тверже. Это напугало Ники. Она и не знала, что Эми может разговаривать таким тоном.

Женщины переглянулись между собой. Что-то в их взглядах заставило Ники задуматься: не вызовут ли они службу охраны? Вместо этого одна из них взяла телефон и что-то тихо проговорила миссис Марцетти. Повесив трубку, она сказала Эми:

– У миссис Марцетти есть немного свободного времени. Она ждет вас. – Она указала в сторону коридора и, когда Ники встала, чтобы последовать за ней, сказала: – Побудь здесь, дорогая. Это тебя не касается.

Эми жестом показала, чтобы Ники подошла к ней.

– Ее это касается в первую очередь. Она пойдет со мной.

Теперь, когда рядом с ней была Эми, кабинет миссис Марцетти казался совсем другим. Эми представилась как назначенный судом специальный адвокат Ники.

– Я нахожусь здесь, потому что права моей подопечной были нарушены.

– И каким же образом? – нахмурившись, спросила миссис Марцетти. Женщина сомкнула кончики пальцев.

– Я считаю, что ученики, находящиеся на вашем попечении, имеют право на безопасную среду, и когда их обвиняют в каком-либо проступке, они имеют право выступить в свою защиту. Ники лишили обоих этих прав. Я считаю эту ситуацию особенно возмутительной, поскольку Ники приемный ребенок и ей и так многое пришлось пережить.

«Особенно возмутительной».

Ники очень понравилось это выражение. Она запомнила его на будущее.

Миссис Марцетти изложила ей версию событий со слов других девочек. Свою речь она закончила, снова сказав, что в школе категорически не приемлют хулиганства.

– Применять насилие недопустимо, а издевательства над учениками будут караться со всей строгостью.

– Очень рада это слышать, – парировала Эми, – потому что над Ники издевались. Эти девочки лгут.

– Они пострадали.

– Вероятно, они сами нанесли себе эти травмы.

– И они подтверждают слова друг друга.

– А чего вы еще ожидали? Я не знаю этих девушек, но я знаю Ники. Ники – *не лгунья*. Я верю ее версии событий. На нее напали и ей угрожали.

– Мы можем разглагольствовать до бесконечности, – сказала миссис Марцетти. – Я уже приняла решение и подготовила все документы. Все остается в силе.

Любой другой мог отступить или попросить заместителя директора передумать. Но только не Эми.

– Значит, вам придется их переделать, – сказала она, – потому что произойдет вот что. Ники *не* отстранят от занятий. Вы позвоните ее приемным родителям и скажете им, что произошло недоразумение и в конце концов все уладилось. Ники вернется на уроки и не будет наказана. Если в будущем возникнут еще какие-то проблемы, вы сразу же позвоните мне. И я хочу, чтобы к Ники было такое же отношение, как и к ученицам, которые вам нравятся.

Миссис Марцетти начала возражать.

– Погодите-ка! – возмущенно сказала она.

– Нет, это вы погодите, – сказала Эми, поднимаясь на ноги и нависая над миссис Марцетти. – Вам должно быть стыдно. Травить приемного ребенка, который не может за себя постоять. Я даю вам возможность все исправить. Если вы не глупый человек, вы ею воспользуетесь.

Две женщины пристально смотрели друг на друга. Вероятно, это длилось не больше минуты, но Ники показалось, что прошла целая вечность. Наконец миссис Марцетти вздохнула.

– Ники, на этот раз я вынесу тебе предупреждение. Твоим приемным родителям сообщат о произошедшем. Можешь идти на уроки.

Когда Ники встала, чтобы уйти, миссис Марцетти не смогла удержаться от последней колкости:

– Родители Тру говорят, что свяжутся со своим адвокатом.

Эми сказала:

– Я адвокат. Сообщите им, что я буду счастлива встретиться с их законным представителем.

В приемной Эми вручила одной из сотрудниц свою визитную карточку и попросила записать ее номер телефона в качестве первого контактного лица Ники на случай чрезвычайных ситуаций.

Сейчас, лежа в спальне Эми, Ники вспомнила этот случай, и ее губы медленно изогнулись в усмешке. Эми невероятно крутая. Она – самый смелый человек, которого она когда-либо встречала. Она решительная. Уверенная в себе. Полная энтузиазма. Просто лучшая из всех.

Мать Эми, Шерон, была совсем на нее не похожа, и Ники было интересно, каким был ее отец.

– Я никогда его не видела, – сказала Эми, когда Ники о нем спросила.

Она сказала, что ее мать просто переспала с каким-то парнем, а потом решила оставить ребенка.

– Я даже рада, что она это сделала, – со смехом сказала Эми. Ее отец даже не знал, что у него есть ребенок, но Эми, казалось, было хорошо и без него. Его судьба никогда ее не интересовала.

Было трудно представить, что шестидесятилетняя женщина переспала с каким-то парнем, забеременела и растила ребенка в одиночку. Но опять же, это было целую жизнь назад.

Ники не покидала мысль, что сегодняшний день, ее первый рабочий день, будет началом новой жизни. Желая произвести хорошее впечатление, она надела свои лучшие брюки и голубую форменную футболку магазина «Могучее питание». Потом она собрала волосы в аккуратный пучок и спустилась на кухню.

После завтрака Шерон отвезла ее в торговый центр, высадила у магазина спортивного питания и сказала:

– Позвони, когда закончишь. Я за тобой заеду.

Ники подняла рюкзак.

– Я могу дойти пешком. Я не хочу доставлять вам много хлопот. – Она старалась, чтобы это звучало небрежно. Отведя глаза, она ждала, что скажет Шерон.

– Не говори глупостей. Незачем тебе ходить по этому холоду и слякоти. Я без проблем за тобой заеду.

Они с Шерон только начали узнавать друг друга. Эми говорила, что ее мама была доброй и покладистой, но Ники знала, что люди не так однозначны и за внешней привлекательностью могли скрываться уродство и жестокость. Конечно, Эми знала Шерон всю свою жизнь и наверняка сталкивалась со всеми сторонами ее личности. Но часто с членами семьи люди вели себя по-другому. Ники узнала об этом в приемной семье.

Даже в самых лучших семьях предпочтение всегда отдавалось собственной крови и плоти – даже когда было видно, что о тебе заботятся. Но сейчас все происходило по-другому. Шерон впустила Ники к себе в дом, потому что сделала одолжение Эми. Это не принесет ей никакой материальной выгоды, и, похоже, она не ожидала, что Ники будет хватать звезды с неба.

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ники была одновременно благодарна Шерон, но не могла избавиться от сомнений. Все хорошее обычно быстро заканчивается.

Но по крайней мере ей не нужно волноваться о том, что какой-то отвратительный старик будет лапать ее, когда она спит.

То, что она нашла работу так быстро, казалось ей добрым знаком. Она начинала жизнь с чистого листа. Она решила, что теперь все будет по-другому.

Ники постучалась в стеклянную дверь и поприветствовала хозяйку магазина, высокую кудрявую блондинку.

– Привет, я Ники. Вчера Макс взял меня на работу.

Женщина нахмурилась. В ярком свете ламп магазина ее макияж казался кричащим.

– Да. – Она прочистила горло. – Он нанял тебя, пока меня не было.

В помещении на мгновение воцарилась неловкая тишина. Затем она кивнула:

– Меня зовут Дон. Я жена Макса.

Ники хорошо умела считывать настроение людей. Эми называла это «измерением температуры в комнате». По тону Дон и языку ее тела Ники догадалась, что той явно не по душе ее присутствие. Может быть, Макс не поговорил с ней, а может быть, они и правда не могли позволить себе платить еще одному работнику.

Но она не собиралась сдаваться без боя. Она пришла сюда, и она готова работать.

– Макс сказал, что вы здесь главная. И что вы можете меня обучить.

Услышав эти слова, Дон, казалось, смягчилась.

– Ты раньше работала в сфере спортивного питания? – спросила она.

– Нет, но я готова учиться и обещаю, что буду очень много работать. Вы увидите, я схватываю все на лету. – Ники говорила уверенно, но для нее эти слова были как строчки из стихотворения. Она действительно много работала и схватывала все на лету, но говорить эти фразы ее научила Эми.

«Работодатели должны быть уверены, что ты подходящий для этой работы. Им также нравится, когда ты можешь взять инициативу на себя».

«Можешь взять инициативу на себя».

Как точно она описала, что они хотят быть главными и ожидают от своих сотрудников только слепого повиновения.

Что ж, Ники может сыграть и в эту игру. Правда, неубедительно, но это неважно.

– Хорошо! – сказала Дон. – Тебе нужно будет многому научиться. Поэтому тебе нужно внимательно слушать все, что я говорю. – У нее был очень самодовольный вид, как будто она была готова поделиться каким-то сакральным знанием. – Давай я тебе все покажу.

Экскурсия была короткой. Магазин представлял собой одно большое помещение. Справа была касса, а по обе стороны, вдоль стен, тянулись полки с товарами. Вдоль задней стены располагался фреш-бар, а перед ним теснилось несколько столиков.

Дон провела Ники к холодильнику за барной стойкой.

– У нас есть сельдерей, свекла, морковь... – перечисляла она овощи. Потом женщина указала на имбирь, яблоки, шпинат, и Ники поймала себя на том, что кивает в знак согласия. Когда Дон закончила перечислять содержимое холодильника, она выпрямилась и довольно резко сказала: – Думаю, тебе не помешало бы это записать.

«Записать названия продуктов?»

Ники не стала говорить это вслух. Вместо этого она сказала:

– Да, мэм.

И, извинившись, достала из сумки блокнот и ручку.

Она будет послушным работником, даже если для этого придется вести себя как полная идиотка. Это проблема неквалифицированных рабочих мест. Люди считали, что если бы она была умнее, она бы занималась чем-то другим, что требовало большего умственного напряжения. Ну, или, по крайней мере, пошла бы учиться в колледж. Но учеба никогда не была на первом месте в списке ее приоритетов и, возможно, никогда не будет. В первую очередь ей нужно выживать.

Пока Дон объясняла, как ведутся дела в магазине, Ники поняла, что это довольно простая работа. Мыть и нарезать продукты было нетрудно. Знания о том, что нужно мыть руки и пользоваться перчатками, относились к области здравого смысла. В ламинированных карточках за прилавком были инструкции по приготовлению каждого вида сока. Дон зачем-то показала Ники, как правильно вытирать стойку, и девушка притворилась, что внимательно ее слушает. Кассовый аппарат, которым ей предстояло пользоваться, только если в магазине не будет никого из владельцев, был очень похож на те, которыми она пользовалась в других местах, и не представлял никакой сложности.

– Мы предпочитаем сами рассчитывать клиентов, – быстро сказала Дон. – Скорее всего тебе не придется часто работать на кассе. Или вообще не придется.

То есть «руки прочь от наших денег».

– Да, мэм.

Это ее вполне устраивало.

– Если во фреш-баре не будет посетителей, ты будешь убираться в магазине и расставлять товар на полках. Или будешь знакомиться с нашим ассортиментом. Клиенты будут задавать вопросы, и ты должна быть в состоянии помочь им выбрать нужный товар. – Она махнула рукой в сторону полок, заполненных пластиковыми баночками с различными витаминами, добавками и порошками. Надписи над каждой полкой обозначали назначение товара: «*Энергия!*», «*Потеря веса!*», «*Здоровье сердца!*», «*Витамины!*», «*Заменители еды!*», «*Спортивные добавки!*».

Дон протянула ей два скрепленных листа бумаги:

– Это руководство для сотрудников. Выучи все, что здесь написано, и запиши мой номер телефона. Если будешь опаздывать, немедленно ставь меня в известность. За опоздание ты получишь предупреждение, а за отсутствие без уважительной причины будешь уволена. Здесь, в «Могучем питании», мы ценим надежность.

Ники посмотрела на потрепанные страницы и сказала:

– Конечно. Уверяю вас, я очень надежна.

Дон с напыщенным видом протянула ей еще один лист бумаги:

– А это трудовой договор. Тебе нужно будет его подписать. В нем говорится, что ты согласна работать у нас минимум три месяца. В нем также перечислены все причины, которые

дают нам право разорвать с тобой трудовой договор. И еще форма для налоговой. Ее тоже нужно заполнить.

Ко времени открытия магазина Ники уже изучила распечатки и знала, чего от нее ждут. Заполнение документов тоже не заняло много времени. Дон считала, что это куда сложнее, чем есть на самом деле.

Днем Дон нависала над Ники, пока она общалась с покупателями, и все время шепотом указывала ей, что делать. Ники отнеслась к этому с пониманием – в конце концов, это ее магазин. Она просто надеялась, что со временем Дон поверит, что она справится с работой.

Макс приехал днем, незадолго до конца рабочего дня Ники. Она в это время вытаскивала из кладовой товары, чтобы расставить их на пустых полках в магазине, и Макс страшно ее напугал, войдя со стороны черного входа. Его лицо покраснелось от мороза. Он кивнул ей, снял шляпу и перчатки, затем стряхнул с себя куртку и убрал одежду в шкаф.

– Ну, как твой первый день? – спросил он у Ники.

– Хорошо, спасибо, – сказала она. – Я узнала много нового.

Он одобрительно кивнул:

– Рад слышать.

Макс прошел в магазин и громко поприветствовал жену.

– Ну, как она?

Очевидно, речь шла о Ники. Девушка прислушалась, но Дон даже не пыталась говорить тише.

– Не безнадежно. Но она все еще на испытательном сроке.

– Я же говорил, что все будет в порядке, – сказал он с фальшивым оптимизмом.

Дон тяжело вздохнула:

– Ничего еще не в порядке. Хоть раз сделает что-то не так – я ее вышвырну.

Глава 10

Неделю спустя Ники все еще не уволили, и она считала это огромным достижением. Дон так и не стала относиться к ней лучше, но с неохотой признала, что Ники работает вполне приемлемо. Макс вел себя более дружелюбно, но только когда в магазине не было его жены.

Отсутствие расположения с их стороны не беспокоило Ники. Ей не нужен был фан-клуб, она не собиралась строить карьеру в их магазине.

Ей просто нужны были деньги.

Деньги, деньги, деньги. Есть люди, у которых очень много денег – больше, чем они могли бы сосчитать и потратить за всю свою жизнь. Ники же иногда была рада и двадцати долларам. Она мечтала, что и ей что-нибудь перепадет. Может быть, она выиграет в лотерею. Или какой-нибудь дальний родственник оставит ей дом и огромное состояние.

Винить ей было некого. Эми предлагала ей оплатить обучение в университете или помочь подать заявку на стипендию. Но Ники решительно отвергла оба предложения. Она хорошо помнила, как сказала: «Спасибо, но нет, спасибо». Тогда Ники оканчивала выпускной класс и была по-настоящему вымотана. Хватит с нее уроков, конспектов, заучивания разрозненных фактов. До окончания учебы было рукой подать, и она с нетерпением ждала свободы.

В восемнадцать лет Ники ушла от людей, которые указывали ей, что делать, и назначали комендантский час.

Ей не терпелось найти свое место в мире, начать жить на своих условиях.

Только она не думала, что будет так тяжело.

Окончив школу, Ники несколько месяцев жила со своей приемной семьей и платила аренду. Ее приемная мать, пожилая женщина по имени Мелинда, разрешила ей жить с ними, но только до осени, потому что потом они должны будут переехать. Поначалу этот срок беспокоил Ники, но к концу августа она познакомилась с компанией молодых женщин. Они снимали дом, и им нужна была соседка. Они быстро обсудили все вопросы, и вскоре Ники уже переехала к ним. Это была самая настоящая помойка, и ей пришлось делить спальню с другой девушкой, но предыдущая соседка оставила матрас. Это был плюс. Арендная плата была низкой, дом был рядом с автобусной остановкой, и никому не было дела ни до нее, ни до ее распорядка дня. Она приходила и уходила когда хотела.

Сначала соседки казались Ники такими веселыми. Она наслаждалась духом товарищества, делилась с ними едой и выпивкой, они болтали всю ночь напролет. Эти девушки не были похожи на девчонок, с которыми она училась в школе. Они жили настоящим. Ей нравились их истории о семьях и коллегах и их расслабленное отношение к жизни. Они курили так много, что в квартире вечно стояли клубы дыма. Ники не курила, но это не слишком ее беспокоило.

Беспокоило ее совсем другое. Было обычным делом пойти с утра в ванную и столкнуться там с незнакомым парнем с мокрыми волосами и полотенцем вокруг талии. Или без полотенца.

Но она съехала не из-за этого. Она съехала потому, что пока она спала, кто-то украл из ее сумки триста долларов. Сумка висела на двери возле ее матраса, и она полагала, что с ней ничего не случится.

«Ха!»

При мысли о том, сколько времени ей понадобилось, чтобы накопить эту сумму, Ники замутило. Сколько времени и усилий потрачено впустую.

Примерно в это же время Ники начала встречаться с Эваном. Он предложил ей переехать к нему и его другу. Эван был красив. У него были темные вьющиеся волосы, волевой подбородок и внушительные бицепсы. И она не могла устоять перед его мальчишеской улыбкой. Помимо физической привлекательности он был очень харизматичен. Парень так заманчиво расписывал их совместное будущее. Он рассказывал о путешествиях, о том, какие он будет

дарить ей подарки. Бриллианты, машины, одежду. Все, что ее душе будет угодно. Но она не питала ложных надежд. В ее жизни было слишком много пустых обещаний.

Было легко попасть под власть его чар. Эван обладал каким-то странным очарованием. Непринужденно шутя, он разбрасывался комплиментами и так же легко принимал их обратно.

Однажды он попросил ее залезть в багажник его новой машины, чтобы проверить, как работает замок. Она согласилась, но когда он оставил багажник закрытым, ей было не до смеха.

И все же Ники восприняла это спокойно. Она молча ждала, когда он забеспокоится и откроет багажник сам. Потом она притворилась, что у нее припадок. Это сильно его напугало.

Так ему и надо.

Она могла дать ему отпор, и, похоже, ему это в ней нравилось.

У него была хорошая работа, и он не употреблял наркотики. Ему больше нравилось пиво, и это не было, как он считал, для него проблемой. Только вот он начинал злиться, когда выпивал слишком много. А это происходило довольно часто.

Эван начал поднимать на нее руку. Сначала он просто слишком крепко сжимал ее запястье, а потом стал толкать – мягко, но сильно. Несколько недель спустя он впервые ее ударил. Ники сразу же ушла от него и стала снимать комнату у супружеской пары, с которой познакомилась на работе.

Это продолжалось всего две недели. Однажды ночью она проснулась и увидела, как мужчина склонился над ее кроватью, а одна его рука скользит вверх по ее ноге.

Ники приподнялась и возмущенно спросила:

– Что, черт возьми, происходит?

– Ничего, ничего. – Он отступил назад и поднял руки в знак примирения. – Я просто проверял, все ли с тобой в порядке. Ты говорила, что тебе плохо, и мы начали волноваться.

Он поспешно вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Ники не жаловалась на самочувствие, но как только он вышел из комнаты, ей действительно стало плохо. При мысли о том, что могло бы случиться, если бы она не проснулась вовремя, ей стало дурно.

Той ночью Ники не сомкнула глаз. Когда на следующее утро она рассказала о случившемся его жене, та пренебрежительно рассмеялась и сказала:

– Это ничего не значит. Я поговорю с ним. – Она подошла к кухонному ящику и вытащила оттуда коричневый резиновый стопор для двери. – Когда в следующий раз пойдешь спать, подопри им дверь, и все будет хорошо.

Ники оцепенела и вышла из кухни.

Этот мужчина не имел никакого права входить ночью к ней в комнату. А от легкомысленного отношения его жены Ники стало не по себе. Она поднялась к себе в комнату, бросила стопор под кровать и собрала вещи.

Один звонок Эми – и через час за ней приехала Шерон. Ники знала, что если бы не Эми, вариантов у нее бы не было. Надежная Эми. Она не могла представить себе лучшего друга или защитника.

Жить с Шерон было так легко, что Ники почти жалела, что не платит за квартиру и не заключила с ней договор, чтобы ей было на что рассчитывать в долгосрочной перспективе. У нее был самый маленький дом в округе, но в нем было три спальни и две ванные комнаты. Казалось, что для живущей в одиночестве пожилой леди это было чудесно. В молодости, когда Ники еще была идеалисткой, она мечтала, что Шерон удочерит ее и у нее будет надежный постоянный дом. Но она уже вышла из возраста усыновления, а Шерон была слишком стара, чтобы быть ее матерью. К тому же у Шерон уже была дочь.

Итак, прошло уже порядка недели, и у Ники начал складываться определенный распорядок дня. Утром Шерон отвозила Ники на работу, а в конце рабочего дня забирала домой. Когда они возвращались, Шерон доставала ужин из духовки. Она всегда готовила что-нибудь сытное,

а на гарнир были овощи или салат. За ужином Ники рассказывала, как прошел день. В магазине кроме Дон и Макса работали еще две старшеклассницы, но они почти не пересекались. После ужина Ники убиралась на кухне – на этом она настояла с первого вечера, – а Шерон уходила в гостиную читать. Обычно в это время Ники извинялась и поднималась вверх. Там она стирала свою рабочую футболку в раковине и вешала ее сушиться над ванной. Дон обещала дать ей футболку на смену, но с тех пор не упоминала об этом. Так что Ники сомневалась, что она ее дождется. Хорошо, что футболка была из полиэстера и быстро сохла.

Покончив с этой рутинной, она отправлялась к себе в комнату. Там она занималась йогой или сидела в телефоне, игнорируя сообщения своего бывшего.

Эван писал ей: «Детка, я скучаю по тебе. Прости меня. Этого больше не повторится. Дай мне еще один шанс».

Она подумывала о том, чтобы его заблокировать, и знала, что когда-нибудь ей придется это сделать. Но сообщения приходили все реже, а ей в глубине души льстило, что он хочет ее вернуть.

Этого никогда не случится, но осознание того, что это полностью зависит от нее, придавало ей сил.

Однажды вечером Ники поймала себя на том, что отвечает на его сообщения вслух. Эван был не очень умен, так что сообщения не отличались разнообразием.

«Ники, прости меня, это больше никогда не повторится».

– Точно.

«Без тебя моя жизнь – ничто».

– Хорошо, так и должно быть, – произнесла эти слова вслух, она почувствовала себя счастливой.

«Дай мне еще один шанс».

– Плавали, знаем. Ты исчерпал свой лимит.

«Детка, я по тебе скучаю».

– Я тебе не детка.

Прочитав последнее сообщение, она выключила телефон и подключила его к зарядному устройству. Ей казалось, что так она выключила Эвана.

– У тебя здесь нет власти, – сказала она, положив телефон на прикроватную тумбочку.

В дверь заскреблись. Ники открыла ее и увидела, что кот смотрит на нее большими зелеными глазами.

– Привет, Серж. Заходи. Что такое? – Она заметила, что у Шерон была привычка разговаривать с котом, и поймала себя на том же. Серж был не особо ласковым, поэтому когда он приходил к ней в комнату, она чувствовала себя польщенной. Ники села на кровать, а он запрыгнул рядом и позволил ей почесать себя под подбородком. Кот заурчал, как хорошо отлаженный двигатель. Когда через несколько минут Ники перестала его гладить, он потянулся, а потом спрыгнул на пол и направился к двери, показывая, что хочет выйти.

– Пока, Серж, – сказала она, закрывая за ним дверь.

Взглянув в окно, она заметила движение на заднем дворе Флемингов. Она быстро схватила бинокль, который принесла в комнату из кладовки, и выключила свет в спальне. Поднеся бинокль к глазам, она отрегулировала фокус.

Во дворе было темно – если не считать падающего из открытой двери света. По двору ходил человек, одетый в темное худи с капюшоном. Он светил себе под ноги фонариком.

Наверное, это тот самый мальчик-подросток, про которого говорила Шерон.

«Интересно, что он делает?»

Ники следила за лучом света, а мальчик ходил по двору, время от времени нагибаясь, как будто что-то поднимая. По движению луча света было похоже, что он собирает собачьи какашки. Но зачем было это делать, когда на улице крошечная тьма?

Сами по себе Флеминги не особо интересовали Ники – ее любопытство было вызвано подозрением, что в доме жила девочка, с которой плохо обращались. Она заметила, что когда Шерон забирала ее с работы, они проезжали мимо дома Флемингов, хоть это был и не самый короткий путь. Дважды они видели миссис Флеминг. Один раз она сдавала назад на подъездной дорожке, а во второй забирала с крыльца посылку. Они не заметили ничего необычного, кроме блестящих рыжих волос женщины, уложенных в роскошную прическу. Такого цвета волос не существовало в природе. Очень стильная стрижка ухоженной состоятельной дамы из пригорода.

Один раз они видели, как ее сын удрученно идет по подъездной дорожке, засунув руки в карманы своего худи. На нем были мешковатые неопрятные джинсы. Он был очень полным. Таких парней ее бывший называл «телками». Однажды она поправила Эвана, сказав, что «телка» – это корова женского пола, но он бросил на нее такой испепеляющий взгляд, что ей пришлось сменить тему, пока он не разозлился и не начал проявлять силу.

Ничто не указывало на то, что у Флемингов есть дочь, так что было вполне вероятно, что тем вечером Шерон сфотографировала гостью.

Пока Ники наблюдала за ними, задняя дверь дома открылась, и миссис Флеминг что-то крикнула. Судя по всему, она звала сына по имени, а также вылиwała на него непрерывный поток гневных слов. Ники не удалось их разобрать. Но когда между ног женщины пробежала собачка, она, казалось, разозлилась еще больше.

Заметив собаку, женщина вышла на крыльцо и агрессивно взмахнула рукой. Ее пронзительные крики заставили Ники содрогнуться.

Ники засунула бинокль под мышку и открыла окно, чтобы лучше слышать. В комнату хлынул поток холодного воздуха. Но это было неизбежно, если она хотела услышать больше. Она поднесла бинокль к глазам и снова посмотрела на двор.

– Гризвольд, немедленно иди сюда! – кричала миссис Флеминг. Собака бегала кругами, не обращая на хозяйку никакого внимания. – Джейкоб! Бросай все и тащи эту дворнягу сюда!

Джейкоб даже не поднял головы, но махнул рукой с фонариком и крикнул:

– Мам, иди в дом! Я принесу его, когда закончу.

Не успел он договорить, как она закричала в ответ:

– Не говори мне, что делать! – Она бросила взгляд в сторону дома Шерон, и Ники отступила от окна, хотя знала, что ее не было видно. – *Немедленно* принеси собаку в дом!

Она была невероятно сердита. Ники подумала, что прямо сейчас на заснеженном заднем дворе разразится настоящий скандал. Но Джейкоб не стал отвечать матери. Миссис Флеминг повернулась и снова зашла в дом.

Она закрыла сетчатую дверь, но основная осталась открытой, и из дома во двор лился свет. Через минуту миссис Флеминг вернулась, но на этот раз с ней была маленькая девочка. Она поспешно вытолкнула ее на крыльцо.

– Принеси его! – злобно приказала миссис Флеминг.

Девочка побрела по снегу.

– Гризвольд, иди сюда! – звала она.

На ней были джинсы и огромный свитшот, в котором она казалась даже меньше, чем есть на самом деле. У нее были темно-каштановые, короткие, чуть выше ушей, волосы. Услышав ее голос, пес прекратил свой безумный забег и помчался прямо к ней. Он радостно прыгнул в ее объятия. Девочка подхватила собаку на руки и понесла в дом, к нетерпеливо ожидающей ее миссис Флеминг.

Как только девочка и собака вошли в дом, дверь захлопнулась. Мальчик покачал головой и вернулся к своему занятию.

Эта сцена продолжалась всего несколько минут, и на первый взгляд в ней не было ничего необычного. Пес выбежал из дома, маленькую девочку отправили его поймать. Так почему же сердце Ники колотилось так, словно она сейчас посмотрела напряженную сцену триллера?

Может быть, потому, что теперь она могла подтвердить, что Шерон видела на прошлой неделе. В доме Флемингов действительно жила маленькая девочка. Дочь? Племянница? Приемный ребенок? Гостя? Трудно сказать наверняка.

И нельзя было утверждать, что над ней издевались. Если не считать того, что она на две минуты вышла на улицу без куртки.

Но тут было что-то не так. Одежда была ей совсем не по размеру, а волосы выглядели так, как будто их обкорнали, а не подстригли со знанием дела. И зачем миссис Флеминг отправила за собакой девочку, вместо того чтобы сходить за ней самой или дождаться, пока ее принесет ее сын? Судя по реакции пса, он явно любил эту девочку. Так что, если она приемный ребенок, можно предположить, что она жила там продолжительное время.

На первый взгляд не произошло ничего необычного. Но Ники все равно это казалось странным. Станным, и все тут.

Ники жалела, что не сняла это на видео.

Девушка продолжала смотреть, как Джейкоб разминирует двор, пока он не вернулся в дом. Потом она закрыла окно и отправилась вниз: ей не терпелось поделиться увиденным с Шерон.

И теперь они наконец-то знают, как зовут сына Флемингов.

Джейкоб.

Глава 11

Иногда Джейкоб желал матери смерти. Ничего ужасного – просто внезапный сердечный приступ или разрыв аневризмы. Как-нибудь быстро и безболезненно – но с однозначным исходом.

Он представил, как она падает на пол и как на это реагируют остальные члены семьи. Как они кричат и спешно звонят в Службу спасения...

Лучше всего было бы, если бы это произошло на кухне: она сможет схватиться за столешницу и упадет не так быстро. Тогда крови будет немного.

Когда придет «Скорая помощь», медики сделают все, что будет в их силах, но в конце концов, конечно, это будет бесполезно.

– Приносим вам свои соболезнования, – скажут врачи, и Джейкоб представил, как печально склоняет голову, все же благодарный медикам за то, что они сделали все возможное.

Если мама умрет, люди будут сочувствовать ему. Он будет жалеть, что они никогда не были близки, как бывают мать с сыном. Но он не будет по ней скучать.

Он считал, что в ее существовании нет никакого смысла. Когда ее не было рядом, всем было лучше. Даже Гризвольд, у которого мозг размером с грецкий орех, казалось, нервничал в ее присутствии. А когда она повышала голос, его задние лапы начинали дрожать.

Джейкоб старался держаться от матери подальше, потому что один его вид вызывал у нее раздражение. Она либо находила чем его занять, либо критиковала его внешность и его личные качества. Она говорила, что у него плохой характер. Слишком длинные волосы. Лишний вес.

Его вес ей не нравился больше всего. Его комплекция сводила маму с ума. Он словно был визуальным воплощением ее неспособности быть хорошей матерью. Она купила семейный абонемент в спортзал и пришла в ярость, когда он отказался ходить туда вместе с ней. Она наложила категорический запрет на перекусы и следила за его питанием дома. Из-за этого ему приходилось тайком покупать снеки на заправке. Он уже стал там завсегдатаем. После школы он заходил туда за чипсами и газировкой и тайком приносил их домой в своем рюкзаке.

Мама хотела, чтобы он был *своей полной противоположностью*. Ей нужен был идеальный сын, спортсмен, отличник, участник школьных дебатов. Она забила его шкаф одеждой, но он никогда не будет носить поло и плиссированные брюки цвета хаки. Когда он был маленьким, она заставляла его регулярно ходить в парикмахерскую. Но, став подростком, он смог оказывать ей физическое сопротивление, и это привело ее в ярость. Она отказалась от мысли водить его к парикмахеру, но ему пришлось несколько недель терпеть ее оскорбления.

Какая же она ненормальная.

Иногда папа заступался за него. В последний раз она нависла над ним с ножницами, когда он пытался позавтракать. А она угрожала подстричь его прямо на кухне.

– Оставь парня в покое. С ним все в порядке.

Маме это очень не понравилось, а скандалы она умела закатывать как никто другой. Но по крайней мере она отложила ножницы и обратила свой гнев на папу, и Джейкоб смог ускользнуть.

После этого папа стал водить его к парикмахеру, но позволял Джейкобу самому решать, как ему стричься. Джейкобу нравились длинные волосы. И дело было не только в том, что это сводило маму с ума. Без волос вокруг ушей и шеи он чувствовал себя незащищенным.

Папа говорил, что у нее всегда был скверный характер, но после смерти Оливии все стало только хуже. Сестра Джейкоба Оливия умерла еще до его рождения, но время от времени он думал о ней. Мама никогда о ней не говорила, но папа однажды рассказал эту ужасную историю.

Тогда он уехал из города на медицинскую конференцию. Пока его не было, у пятимесячной Оливии началась лихорадка. Мама лечила ее детским парацетамолом. Когда у нее не

получилось сбить температуру, она отвезла дочь в отделение неотложной помощи. Менее чем через сутки Оливия умерла. Папа примчался домой, как только узнал об этом, но было уже слишком поздно. Врачи сказали, что в этом никто не виноват. Иногда, несмотря на все усилия, пациенты умирают.

– Когда я узнал, что это был менингит, у меня возникло плохое предчувствие, – сказал папа, качая головой. Прошло уже столько лет, но все равно, когда он говорил об Оливии, его глаза наполнялись слезами. – Ее смерть сломила твою мать. Разумеется, она винила меня, за то, что меня не было рядом. – Он вздохнул. – Я надеялся, что мы пройдем через это вместе. Но все изменилось. – У Джейкоба сложилось впечатление, что папа тоже винил в произошедшем себя. – А потом родился ты. Я думал, это поможет.

Иногда Джейкоб думал: а что было бы, если бы Оливия была жива? Была бы она тем золотым ребенком, о котором мечтала мама? Стали бы они вообще заводить второго ребенка? И ощущение, что он разочаровал ее, становилось только сильнее.

Удивительно, но другие люди маму любили. Учителя, соседи, друзья. При желании она могла быть невероятно обаятельной. Жаль, что ее семья никогда не видела ее с этой стороны. Обсуждая на родительских собраниях его ужасные оценки, она была воплощением заботливой, любящей матери. Он знал это со слов учителей. Один из них даже сказал, что ему повезло, что у него такая заботливая и преданная мать.

«Ха!»

Если бы они только знали.

Забавно, что его до сих пор удивляли подобные комментарии. Давно пора было к ним привыкнуть. Это продолжалось всю его жизнь.

Когда он учился в начальной школе, мама часто сопровождала класс на экскурсии. На школьных мероприятиях она была воплощением идеальной матери. Она называла его «сладким», взъерошивала его волосы, рассказывала другим взрослым милые истории о нем. Правда, сам он их не помнил.

В то время это сбивало его с толку, потому что он не понимал, что это всего лишь игра.

Сколько раз другие дети говорили ему, что ему очень повезло с мамой. Одна девочка однажды сказала, что его мама такая красивая.

«Как модель».

«О господи».

Что он мог на это ответить?

«Это всего лишь фасад. Видела бы ты ее холодное, мертвое сердце».

Но люди никогда в это не поверят. Их так легко одурачить.

Если бы только они слышали, как она кричит, когда собака выбегает во двор. Конечно, если она стоит, открыв входную дверь нараспашку. Она обругала Джейкоба за то, что он не убрал двор после школы, но он просто забыл.

Это могло бы подождать и до завтра, но нет, она начала орать на него и заставила выйти и собирать кашки в темноте. А потом она заставила Мию пойти на улицу и забрать Гризвольда, хотя Джейкоб сказал, что приведет собаку, когда закончит.

Не в состоянии подождать даже несколько минут.

Все должно быть так, как хочет она, по ее условиям. Все они были пленниками ее прихотей.

Каждый член семьи знал, что избегать ее – гарантия спокойной жизни. Папа часто ездил в командировки, и Джейкоб подозревал, что он добавил в свой график дополнительные поездки, чтобы отсрочить неизбежное возвращение домой. Сам Джейкоб скрывался от матери в своей комнате, заглушая ее резкий голос громкой музыкой в наушниках. У Мии было меньше вариантов, но она стала прятаться за диваном.

Она думала, что Джейкоб этого не знает, но от его внимания мало что ускользало.

Мия притворялась дурочкой, но была умнее, чем считали его родители. Они полагали, что она почти не умеет говорить. Это было просто смешно. Когда они были вдвоем, она много говорила, и у нее был хороший словарный запас. Кроме того, девочка каким-то образом научилась читать. Но это секрет, известный только им двоим. Прошлым летом он начал дарить ей книги. Он выбирал те, которые, по его мнению, могли ей понравиться, и говорил, что раньше они принадлежали ему, хотя на самом деле он покупал их на гаражных распродажах.

Она так радовалась его подаркам. И ее счастливое личико немного скрашивало его день.

Мама была не права. Мия не была умственно отсталой. С мозгами у этой девочки все в порядке. Джейкоб мог бы разубедить мать, но ему нравилось, что у него есть преимущество. Осознание, что он знает что-то, чего не знает она, приносило ему огромное удовлетворение.

Жизнь в этом доме была сущим адом, но, по крайней мере, он скоро уедет в колледж.

А бедная Мия обречена. Она застряла здесь навсегда.

Глава 12

На следующий день Ники впервые позволили остаться в магазине одной.

День был спокойный, и после того, как три старушки вышли из магазина, Дон подошла к Ники и сказала:

– Я сбегаю в банк, внесу депозит. Вернусь через пятнадцать минут.

– Хорошо. – Ники продолжала вытирать стойку.

– Пока меня не будет, ты останешься присматривать за магазином. – Для убедительности Дон постучала пальцем по стойке.

– Я поняла. Сделаю все, что смогу.

Однако на этом разговор не закончился. Уходя, Дон напомнила Ники, что недавно поменяла кассовый ящик.

– Так что когда придут клиенты, ты должна быть наготове. – Дон посмотрела на нее, ожидая ответа, но Ники только кивнула.

Она уже сталкивалась с подобным в приемных семьях и на других работах. Люди всегда думали, что при первой же возможности она обворует их. Для проверки они оставляли на виду печенье и чипсы, не убирали деньги, не закрывали браузеры, чтобы посмотреть, станет ли она пользоваться чужим устройством без разрешения.

У Ники было много отрицательных качеств, но она была честной. Она никогда не присваивала себе чужие вещи. Конечно, иногда соблазн был велик, но она никогда ему не поддавалась.

Это был скорее вопрос практичности, чем честности. Жить честно было сложно, но за преступлениями всегда следовало наказание. У нее были знакомые, которые воровали или подделывали чеки, чтобы достать деньги на наркотики. И вне зависимости от того, насколько они были осторожны, заканчивалось все всегда одинаково. Про себя Ники сравнивала это с ходьбой по острию ножа. Рано или поздно все равно сорвешься. Вопрос только когда.

Бывший адвокат Ники, та, что была перед Эми, приветствовала ее фразой: «Ты ведь не лезешь на рожон, Ники?»

Такое странное выражение, будто из прошлого века. И такое оскорбление.

Ники не была преступницей – она была приемным ребенком. И ее вины в этом не было.

Вообще-то она изо всех сил старалась играть по правилам. Не то чтобы это было тяжело. Люди совсем не ожидали от нее великих свершений. Например, здесь, в магазине, они вели себя так, как будто ее ни на минуту нельзя оставлять без присмотра. Дон преувеличивала важность мытья рук и санитарной обработки пищи. Но она не знала, что Ники фанатично следит за личной гигиеной и старается поддерживать чистоту вокруг себя. Фанатичность эта граничила с одержимостью. Ники методично убирала со столов, мыла посуду, вытирала пыль. Уборка была для нее своеобразным способом медитации и приносила глубокое душевное удовлетворение. Теперь, когда она стала взрослой и могла сама контролировать свою жизнь, у нее сформировались определенные предпочтения к своему окружению.

Ники закончила чистить соковыжималку и отступила, чтобы полюбоваться результатом своих трудов. В это время дверь открылась и, к ее удивлению, в магазин вошла Сюзетта Флеминг.

Она была одета в баснословно дорогое коричневое замшевое пальто до колен. В руках у нее были кожаные перчатки. Ее вишневые, уложенные в замысловатую прическу волосы вблизи выглядели еще более нереалистично. Она как будто только что вышла из салона красоты.

Ники в подробностях пересказала Шерон сцену, свидетелем которой стала накануне вечером, так что появление в магазине миссис Флеминг стало для Ники полной неожиданностью. Как будто Ники каким-то образом призвала ее в свое личное пространство. Ники была

выбита из колеи и уже приготовилась к конфликту, но, выходя из-за стойки, поняла, что миссис Флеминг совсем ее не узнала.

– Здравствуйте, – сказала Ники. – Добро пожаловать в «Могучее питание». Что мне поискать для вас сегодня?

Это приветствие было написано Дон, и Ники должна была произнести его слово в слово. Лично ей оно казалось немного навязчивым, но Ники не особо возражала. Обычно люди хотели осмотреться или спрашивали о конкретном товаре. Но не в этот раз.

Миссис Флеминг нахмурилась, сняла пальто и протянула его Ники.

– Где Дон?

– Она скоро придет. Я буду очень рада вам помочь.

Ники взяла пальто и стояла, не зная, что с ним делать. Оно оказалось тяжелее, чем она ожидала; материал был мягкий, а подкладка дорогая.

– Нет-нет-нет, – покачала головой миссис Флеминг. – Прости, но так не пойдет. У нас с Дон есть договоренность. – Она положила руку на бедро. – Она должна достать кое-что специально для меня. – Ее голос был громким, а поза внушала уважение.

– Я могу проверить специальные заказы на складе, – сказала Ники, аккуратно укладывая пальто на прилавок рядом с кассой.

В магазине было мало места, поэтому на полках стояли только самые популярные товары, но по запросу Дон и Макс могли достать практически все. Некоторые их клиенты занимались тяжелой атлетикой и закупали протеиновый порошок оптом. Ники с трудом верилось, что люди готовы спускать столько денег на подобные вещи, но она не собиралась подвергать сомнению их адекватность. У этих мускулистых парней были такие огромные плечи, что они едва проходили в дверь.

Но Ники не видела, чтобы на складе лежал заказ для миссис Флеминг. Хотя она могла этого и не заметить.

– Я схожу на склад и вернусь через минуту, – сказала девушка.

Миссис Флеминг нетерпеливо вздохнула.

– Дорогая, в подсобке ты ничего не найдешь. У нас с Дон особая договоренность. – Она улыбнулась, как будто Ники была маленьким ребенком и только что сморозила какую-то глупость. – Вот как мы поступим, дорогая. Ты возьмешь телефон, позвонишь Дон и скажешь ей, что я жду ее здесь и у меня мало времени. – Она улыбнулась, продемонстрировав красивые белые зубы. – Ладно, хватит болтать. Думаю, тебе стоит заняться делом.

Ники сделала глубокий вдох.

– Дон сказала, что отойдет всего на пятнадцать минут, – сказала она. – Уверена, она вернется с минуты на минуту.

– Я настоятельно советую ей позвонить. – Голос миссис Флеминг был сладким как мед, но ее настойчивость беспокоила Ники. У Дон был скверный характер. Кто знает, что может ее разозлить? Словно прочитав ее мысли, миссис Флеминг добавила: – Поверь мне, она будет рада. Я ее VIP-клиентка.

Ники впервые слышала о том, что в магазине есть VIP-клиенты, но миссис Флеминг говорила так властно, что она готова была в это поверить.

Ей нельзя было совершать исходящие звонки с рабочего телефона – это было написано в распечатке с правилами. С другой стороны, она могла позвонить Дон со своего личного телефона. Минуту поколебавшись, она сказала:

– Я схожу за своим телефоном. Он в подсобке.

Когда она вернулась, миссис Флеминг смотрелась в маленькое зеркальце.

– Что она сказала? – спросила женщина, захлопывая пудреницу.

– Я еще ей не звонила, – ответила Ники. Она нашла в телефонной книге номер Дон, нажала на кнопку вызова и поднесла телефон к уху. – Алло, Дон? Тут клиентка, пришла за

специальным заказом. Ее зовут... – Ники вопросительно посмотрела на миссис Флеминг и подняла брови. Она прекрасно знала, как зовут эту женщину, при необходимости могла даже назвать ее адрес, но ей нельзя было показывать, что она владеет этой информацией. Она не сможет связно объяснить, откуда ей это известно.

Вместо того чтобы назвать свое имя, миссис Флеминг молниеносно выхватила телефон у нее из рук и нетерпеливо приложила его к уху.

– Дон, это Сюжетта. У нас огромная проблема. Твоя тупая сотрудница, похоже, ничего не знает, так что тебе нужно немедленно вернуться. – Она весело рассмеялась, как будто это была шутка. – Да, да, я знаю. Я рано, но я ведь всегда прихожу рано, так что ты должна была знать, что я приду. Ты же знаешь, что я не люблю долго ждать. – Услышав ответ Дон, она усмехнулась. – Ну хорошо. Я буду здесь. Давай скорее! Пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.